

МЕЖДУ ПРАВОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

ОТЧЕТ О НАРУШЕНИЯХ
ПРАВ ЛГБТ-ЛЮДЕЙ
В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ЗА 2025 ГОД

Таллинн
2026

Между правом и реальностью: отчет о нарушениях прав ЛГБТ-людей в странах Восточной Европы и Центральной Азии за 2025 год / Ковтун О. — Таллинн: Евразийская коалиция по здоровью, правам, гендерному и сексуальному многообразию (ЕКОМ), 2026. — 45 с.

Авторка отчета: Оксана Ковтун

Дизайн и верстка: Анастасия Данилевская

Публикация была создана и опубликована в рамках регионального проекта «Устойчивость услуг для ключевых групп населения в Восточной Европе и Центральной Азии (ВЕЦА) — #iSoS: Расширение возможностей и инновации», реализуемого консорциумом организаций под управлением Альянс общественного здоровья при финансовой поддержке Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулёзом и малярией. Точки зрения, представленные в настоящем документе, принадлежат исключительно его авторам и могут не совпадать со взглядами или мнениями Альянса общественного здоровья и Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулёзом и малярией.

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

Содержание данной публикации может свободно копироваться и использоваться для некоммерческих целей при условии, что каждое такое использование будет сопровождаться указанием на ЕКОМ как на источник.

© ЕКОМ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	2
2. МЕТОДОЛОГИЯ	4
3. РЕЗУЛЬТАТЫ	6
● Право на личную неприкосновенность	19
● Право на неприкосновенность частной жизни	21
● Право на наивысший достижимый уровень здоровья	23
● Право на труд	25
● Право на признание лицом, обладающим законными правами	26
● Право не подвергаться пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинству обращению или наказанию	28
● Право не подвергаться произвольному лишению свободы	29
● Право на равенство и недискриминацию	30
● Право на свободу убеждений и на их свободное выражение	32
● Право на достаточное жилище	33
● Право на эффективную правовую защиту и на возмещение ущерба	34
● Право на образование	35
● Право на жизнь	36
● Защита от нарушений медицинского характера	37
● Право на свободу мирных собраний и ассоциаций	38
● Право на брак и создание семьи	38
● Право на свободу передвижения	39
● Право искать убежище	40
4. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	41
● Страновые рекомендации	42
Используемые источники	44
Перечень таблиц	
● Таблица 1. Характеристики случаев нарушения прав в отношении ЛГБТ-людей, 2025 год	9
● Таблица 2. Виды нарушений прав в отношении ЛГБТ-людей по странам региона, 2025 год	11
● Таблица 3. Виды нарушений прав в отношении ЛГБТ-людей по СОГИ пострадавших, 2025 год ..	15

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

REAct	Система мониторинга и реагирования на нарушения прав человека на уровне сообществ
АРТ	Антиретровирусная терапия
ВЕЦА	Восточная Европа и Центральная Азия
ВИЧ	Вирус иммунодефицита человека
ГБМСМ	Геи, бисексуалы и другие мужчины, практикующие секс с мужчинами
ДКП	Доконтактная профилактика
ЕКОМ	Евразийская коалиция по здоровью, правам, гендерному и сексуальному многообразию
ИППП	Инфекции, передающиеся половым путем
ЛГБТ	Лесбиянки, геи, бисексуалы и транс*люди
МСМ	Мужчины, практикующие секс с мужчинами
НПО	Неправительственная организация
ПКП	Постконтактная профилактика
СОГИ	Сексуальная ориентация и гендерная идентичность
СПИД	Синдром приобретенного иммунодефицита
УК	Уголовный кодекс

ВВЕДЕНИЕ

Региональный отчет о нарушениях прав человека в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и транс* людей (ЛГБТ-людей) в странах Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА) за 2025 год подготовлен на основе анализа задокументированных случаев нарушений прав человека в семи странах региона: Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Украина.

ЕКОМ — Евразийская коалиция по здоровью, правам, гендерному и сексуальному многообразию осуществляет системный мониторинг нарушений прав ЛГБТ-людей с 2017 года. Сводный анализ кейсов позволяет выявлять не только отдельные факты нарушений, но и устойчивые паттерны давления, формы институциональной и частной дискриминации, а также правоприменительные практики, остающиеся вне официальной статистики и государственных отчетов.

В 2025 году нарушения прав ЛГБТ-людей в регионе ВЕЦА сохраняли системный и взаимосвязанный характер. Задокументированные случаи показывают, что насилие, вмешательство в частную жизнь, вымогательство, дискриминация в сфере труда, образования, здравоохранения и услуг, а также произвольные задержания редко возникают изолированно и часто формируют цепочки нарушений, усиливающие уязвимость пострадавших.

Источники угроз распределяются как между государственными структурами, так и частными лицами и организациями, с которыми ЛГБТ-люди сталкиваются в повседневной жизни. Нарушения фиксируются как со стороны правоохранительных органов, миграционных служб и медицинских учреждений, так и со стороны половых партнеров, членов семьи, работодателей, коллег, соседей и работников сферы услуг. Такой спектр нарушителей указывает на сохраняющуюся уязвимость ЛГБТ-людей и ограниченность механизмов защиты как на государственном, так и на социальном уровнях.

Цель отчета — представить системный анализ задокументированных нарушений прав ЛГБТ-людей в регионе ВЕЦА и выявить ключевые механизмы, способствующие их воспроизводству. **В рамках анализа поставлены следующие задачи:**

- выявить характер и основные формы нарушений прав человека в отношении ЛГБТ-людей;
- проанализировать влияние законодательства, правоприменительной практики и социальных факторов на уязвимость ЛГБТ-людей;
- определить группы, наиболее подверженные различным видам нарушений, с учетом сексуальной ориентации и гендерной идентичности (СОГИ), ВИЧ-статуса и других факторов;
- сформулировать рекомендации, направленные на устранение выявленных барьеров и использование результатов анализа в адвокационной и правозащитной деятельности.

Отчет основан на данных системы REAct и включает количественный и качественный анализ кейсов, используемых для выявления типичных сценариев нарушений и выборки рекомендаций для экстренного реагирования, стратегической адвокации и правозащитных действий на национальном и региональном уровнях.

Авторы отчета выражают благодарность:

- консультантам/кам ЕКОМ по мониторингу нарушений прав ЛГБТ-людей за работу по выявлению и документированию случаев,
- Международному благотворительному фонду «Альянс общественного здоровья» и партнерским организациям в рамках системы REAct за мониторинг, реагирование и предоставленные для анализа данные,
- представителям ЛГБТ-сообщества за доверие, готовность обращаться за помощью и документировать нарушения своих прав.

МЕТОДОЛОГИЯ

ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ И ПЕРИОД АНАЛИЗА. Отчет основан на вторичном анализе данных о нарушениях прав человека в отношении ЛГБТ-людей, задокументированных в системе REAct в период с 1 января по 31 декабря 2025 года. Анализ проведен в январе 2026 года и охватывает семь стран региона ВЕЦА: Армению, Казахстан, Кыргызстан, Молдову, Таджикистан, Узбекистан и Украину.

Для анализа использовались описания случаев, предоставленные национальными координаторами системы REAct и партнерскими организациями: Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан (ЕКОМ), Украина (Международный благотворительный фонд «Альянс общественного здоровья»), а также партнерские организации в Молдове. Все случаи проходили предварительную проверку координаторами с целью соблюдения этических стандартов, защиты конфиденциальности пострадавших и обеспечения корректности информации.

КРИТЕРИИ ВКЛЮЧЕНИЯ СЛУЧАЕВ. В анализ включались только те случаи, в которых СОГИ и/или ВИЧ-статус являлись основанием для нарушения прав человека и были идентифицирован конкретный пострадавший. Случаи, не соответствующим этим критериям, в анализ не включались.

АНАЛИЗ ДАННЫХ. Для перевода качественных данных (текстовых описаний случаев) в количественные применялся метод прямого контент-анализа [1]. Классификации нарушений прав человека, связанных с СОГИ, основывалась на Джокьякартских принципах [2], которые определяют применение международных стандартов прав человека в контексте СОГИ и ранее использовались для анализа нарушений прав ЛГБТ-людей в регионе ВЕЦА [3, 4].

На основе предварительного анализа текстов был сформирован кодировочный набор, включающий ключевые категории и признаки нарушения. Каждое описание случая анализировалось с целью выявления вида нарушения, типа нарушителя, оснований для нарушения, а также характеристик пострадавших, включая СОГИ.

В процессе анализа использовалось контекстуальное кодирование [5], позволяющее учитывать социальный, культурный и правовой контекст каждого случая [6], а также сочетание манифестного и латентного кодирования, что дало возможность фиксировать как явно описанные, так и косвенные признаки нарушений [7, 8].

Выявленные темы и категории были преобразованы в количественные переменные для последующего статистического анализа. Например, при наличии признаков пыток соответствующей переменной присваивалось значение «1», при их отсутствии — «0». Один случай мог включать несколько взаимосвязанных нарушений прав, видов нарушений и/или несколько нарушителей, что позволяло отразить комплексный характер нарушений. В ходе кодирования такие случаи относились ко всем релевантным категориям прав/видов нарушений/нарушителей, что позволяло отразить комплексный характер нарушений и проанализировать один и тот же эпизод под разными правовыми аспектами (например, в случае выселения пострадавших по причине СОГИ без возврата оплаты за аренду — оно фиксировалось как нарушение права на жилье и одновременно как причинение материального ущерба).

В отчете такие случаи могли упоминаться в соответствующих разделах отчета с разными аналитическими акцентами, что позволило представить каждое нарушенное право полно и в контексте других сопутствующих нарушений. Оскорбления и вербальная агрессия, связанные с СОГИ или ВИЧ, не выделялись в отдельную категорию, поскольку такие формы нарушений широко распространены, и учитывались в рамках категории «язык ненависти» в случаях, когда нарушение ограничивалось исключительно вербальным воздействием.

Разделы отчета структурированы в соответствии с частотой задокументированных нарушений в 2025 году. Права представлены не в порядке их закрепления в международных документах, а в зависимости от количества зафиксированных случаев, что позволяет отразить актуальные приоритеты и масштаб выявленных проблем в отчетном периоде.

Обработка данных проводилась с использованием Microsoft Excel и IBM SPSS Statistics 28.0.

ОГРАНИЧЕНИЯ АНАЛИЗА. При интерпретации результатов необходимо учитывать ряд ограничений:

- 1** Данные поступают из разных стран и от разных мониторинговых команд, что обуславливает вариации в качестве, полноте и детализации описаний случаев. Количество задокументированных нарушений не отражает их реальную распространенность и в значительной степени зависит от ресурсов, опыта и институциональных возможностей мониторинговых команд в каждой стране.
- 2** Представленные данные не являются репрезентативными для оценки масштабов нарушений прав ЛГБТ-людей в регионе ВЕЦА. Пострадавшие могли не знать о возможности сообщить о нарушении своих прав, опасаться последствий или сознательно не обращаться за помощью [9, 10]. На объем задокументированных случаев также влияют различия в финансовых и организационных возможностях проектов мониторинга, неравномерное территориальное покрытие, влияние идентичности документаторов на доступ к разным группам ЛГБТ-сообщества, а также отсутствие целенаправленного сбора данных о нарушениях прав лесбиянок и бисексуальных женщин, несмотря на включение имеющихся случаев в анализ.
- 3** В отдельных странах региона сбор данных осуществляется в условиях криминализации однополых отношений (Узбекистан), отсутствия зарегистрированных ЛГБТ-организаций и системного давления со стороны государственных и правоохранительных органов (в частности, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан), что существенно ограничивает возможности безопасного документирования и обращения за помощью. В результате более низкое количество кейсов в таких странах не свидетельствует о меньшей распространенности нарушений, а отражает структурные барьеры для их фиксации.
- 4** Различия в инфраструктуре правозащитной поддержки также влияют на статистику — например, в странах с более развитой сетью организаций и ресурсом (в том числе в Украине) объем задокументированных случаев выше, что связано с большей доступностью механизмов помощи и доверия к ним, а не обязательно с более высокой частотой нарушений.

Совокупность указанных факторов делает невозможным проведение корректного анализа динамики нарушения прав между годами, в связи с чем такой анализ в отчете не представлен.

С учетом данных ограничений количество задокументированных случаев не может использоваться для точного измерения распространенности нарушений прав ЛГБТ-людей в регионе ВЕЦА или отдельных странах. Вместе с тем, полученные данные позволяют выявить характер нарушений, типы нарушителей и ключевые паттерны, формирующие ситуацию с правами ЛГБТ-людей в регионе.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 2025 году в семи странах региона ВЕЦА задокументировано 647 случаев нарушений прав человека в отношении ЛГБТ-людей (таблица 1). Наибольшее число случаев зафиксировано в Украине — 383 (59,2% от общего количества), что существенно превышает показатели других стран региона. Далее следуют Узбекистан (78 случаев), Молдова (58), Таджикистан (47), Казахстан (33), Кыргызстан (30) и Армения (18). Такое распределение отражает не только различия в уровне рисков, но и контекст документирования — масштаб и устойчивость мониторинга, доступность поддержки для пострадавших, а в случае Украины — дополнительное влияние полномасштабной войны, усиливающей уязвимость в повседневной жизни, трудовых отношениях и при обращении за услугами.

СОГИ ПОСТРАДАВШИХ И ОСНОВА ДЛЯ НАРУШЕНИЙ. Основную часть задокументированных случаев в 2025 году составляют нарушения прав геев, бисексуалов и других мужчин, практикующих секс с мужчинами (ГБМСМ), — 520 случаев (80,4%). Транс* женщины представлены в 77 случаях (11,9%), при этом их доля существенно варьирует между странами и наиболее высока в Кыргызстане (43,3% всех случаев в стране), Армении (22,2%), Таджикистане (19,1%) и Казахстане (18,2%). Лесбиянки и бисексуальные женщины составляют 19 случаев (2,9%), трансгендерные мужчины — 16 случаев (2,5%). В 15 случаях (2,3%) нарушения были задокументированы в отношении ЛГБТ-людей как группы в целом, преимущественно в ситуациях публичного давления или дискриминации, не привязанных к конкретной идентичности пострадавшего.

В подавляющем большинстве эпизодов основанием для нарушения выступала СОГИ — 574 случая (88,7%). Одновременно стабильно фиксируются ситуации, где существенную роль играет ВИЧ-статус — 35 случаев (5,4%) отнесены к категории «СОГИ и ВИЧ», еще 23 случая (3,6%) к категории «только ВИЧ». Наиболее выражено это в Узбекистане, где каждый пятый случай связан исключительно с ВИЧ-статусом (21,1%), а еще 16,7% — с сочетанием СОГИ и ВИЧ. В этих контекстах медицинская информация и ВИЧ-статус используются как дополнительный инструмент давления — через угрозы раскрытия, ограничения доступа к помощи и вымогательство.

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЙ. Значительная часть задокументированных случаев носит комплексный характер и затрагивает несколько прав или сфер жизни. В 221 случае (34,2%) зафиксированы множественные нарушения прав, в 229 случаях (46,2%) — несколько видов нарушений в рамках одного эпизода, а в 81 случае (12,5%) — участие нескольких нарушителей. Такая структура отражает типичные сценарии, при которых вмешательство в частную жизнь (например, аутинг или угроза аутинга) сопровождается вымогательством, физическим насилием, незаконными действиями со стороны полиции или дополнительным давлением со стороны ближайшего окружения.

Наиболее высокая доля комплексных случаев отмечена в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане, где множественные виды нарушений фиксируются в 76-90% кейсов, что указывает на ограниченные возможности быстрого прекращения давления и получения эффективной защиты. В Молдове, напротив, большинство ситуаций имеют более точечный характер, что отражается в низкой доле случаев с несколькими нарушенными правами (5,2%) и видами нарушений (12,1%).

Отдельную категорию составляют случаи так называемых «подставных свиданий» — 20 кейсов (3,1% по региону). Несмотря на снижение их доли по сравнению с 2024 годом (11,5%), такие практики продолжают чаще всего фиксироваться в Кыргызстане (16,7% случаев в стране) и Таджикистане (12,8%). Как правило, они включают знакомство через онлайн-платформы с последующим шантажом, вымогательством и насилием, что подчеркивает значимость цифровых рисков для ЛГБТ-людей.

ВИД НАРУШИТЕЛЕЙ. В 2025 году нарушения прав ЛГБТ-людей фиксировались как со стороны государственных структур, так и со стороны частных лиц и организаций. Наиболее часто в качестве нарушителей выступали неизвестные лица — 116 случаев (17,9%), сотрудники правоохранительных органов — 93 (14,4%) и специалисты медицинских учреждений, не связанных напрямую с ВИЧ-сервисами, — 88 (13,6%). Существенную долю также составляют коллеги и одноклассники (9,7%), работники сферы услуг (9,4%), работодатели (9,3%), половые партнеры (8,8%), родственники (6,3%) и соседи (6,2%).

В отличие от более ранних периодов мониторинга, в 2025 году роль правоохранительных органов как основного нарушителя снижается на региональном уровне. Это не свидетельствует об ослаблении репрессивной среды, а указывает на перераспределение рисков в менее формализованные сферы, где механизмы защиты слабее, а обращение за помощью сопряжено с дополнительными барьерами. В таких случаях пострадавшие чаще оказываются один на один с нарушением, особенно когда давление исходит от партнеров, родственников или работодателей и сопровождается угрозами раскрытия СОГИ или ВИЧ-статуса.

При этом сохраняется выраженная страновая специфика. В Кыргызстане и Таджикистане правоохранительные органы по-прежнему остаются одними из ключевых нарушителей. В Казахстане значительную роль полиция играет во вмешательствах в частную жизнь, включая аутинг и вымогательства. В Узбекистане, на фоне продолжающейся криминализации добровольных сексуальных отношений между мужчинами [11], давление все чаще реализуется через медицинский сектор и практики контроля, включая отказы в помощи и нарушения конфиденциальности. В Украине, на фоне войны, основная нагрузка нарушений смещается в сферу труда, услуг и межличностных отношений, сопровождаясь ростом физического насилия и буллинга при относительно низкой доле прямого полицейского вмешательства.

КРАТКИЙ ОБЗОР НАРУШЕННЫХ ПРАВ И НАРУШЕНИЙ. В 2025 году среди наиболее часто фиксируемых нарушений доминируют нарушения права на личную неприкосновенность — 185 случаев (28,6%), включая физическое, сексуальное и домашнее насилие (таблица 2). Нарушения права на неприкосновенность частной жизни составляют 164 случая (25,3%) и преимущественно связаны с раскрытием или угрозой раскрытия СОГИ (17,5%) и вымогательством (9,3%). Существенную долю также составляют нарушения права на здоровье (15,6%), включая отказы в медицинской помощи, унижительное обращение и раскрытие медицинских данных, а также нарушения в сфере труда (14,7%), связанные с увольнением, отказами в приеме на работу и буллингом на рабочем месте.

В меньшей мере, но стабильно фиксируются превышение полномочий и жестокое обращение со стороны правоохранительных органов (10,7%), произвольное лишение свободы (8,8%), дискриминация в сфере услуг (8,5%) и проблемы юридического признания гендера и оформления документов (11,4%).

Страновые различия проявляются прежде всего в сочетании этих категорий. В Армении заметна доля нарушений личной неприкосновенности, частной жизни и здоровья; в Казахстане и Кыргызстане — аутинг, вымогательство и давление со стороны полиции; в Молдове — нарушения права на здоровье и свободы выражения; в Таджикистане — вмешательства в частную жизнь, вымогательство и лишение свободы; в Узбекистане — нарушение права на здоровье и утечки медицинских данных; в Украине — трудовые и сервисные нарушения, а также физическое насилие.

Анализ нарушений по группам пострадавших выявляет различные механизмы уязвимости (таблица 3). Для ГБМСМ наиболее характерны нарушения частной жизни (27,7%), трудовые нарушения (16,0%) и дискриминация при получении услуг (9,0%). Для транс* женщин более выражены нарушения права на здоровье (22,1%), а также эпизоды жестокого обращения и произвольного лишения свободы, что указывает на повышенные риски при контакте с институциями. Среди лесбиянок и бисексуальных женщин заметна высокая доля домашнего насилия (21,1%), подчёркивающая значимость семейного контекста. Для транс* мужчин, при меньшем числе задокументированных случаев, особенно актуальны барьеры юридического признания и отказ в оформлении документов, напрямую ограничивающие доступ к услугам и реализации базовых прав.

Таблица 1. Характеристики случаев нарушений прав в отношении ЛГБТ-людей, 2025 год

Характеристика	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина	Всего
	п (%)	п (%)	п (%)	п (%)	п (%)	п (%)	п (%)	п (%)
Всего случаев (N)	18	33	30	58	47	78	383	647
СОГИ пострадавших								
Геи, бисексуалы и другие МСМ	11 (61,1)	19 (57,6)	16 (53,3)	51 (87,9)	32 (68,1)	57 (73,1)	334 (87,2)	520 (80,4)
Трансгендерные женщины	4 (22,2)	6 (18,2)	13 (43,3)	—	9 (19,1)	9 (11,5)	36 (9,4)	77 (11,9)
Лесбиянки и бисексуальные женщины	2 (11,1)	1 (3,0)	—	1 (1,7)	4 (8,5)	11 (14,1)	—	19 (2,9)
Трансгендерные мужчины	1 (5,6)	2 (6,1)	—	1 (1,7)	1 (2,1)	—	11 (2,9)	16 (2,5)
ЛГБТ-люди в целом	—	5 (15,2)	1 (3,3)	5 (8,6)	1 (2,1)	1 (1,3)	2 (0,5)	15 (2,3)
Основание для нарушения								
Только СОГИ	16 (88,9)	28 (84,8)	27 (90,0)	48 (82,8)	38 (80,9)	41 (52,6)	376 (98,2)	574 (88,7)
СОГИ и ВИЧ	—	1 (3,0)	1 (3,3)	9 (15,5)	7 (14,9)	13 (16,7)	4 (1,0)	35 (5,4)
Только ВИЧ	—	1 (3,0)	—	1 (1,7)	1 (2,1)	18 (21,1)	2 (0,5)	23 (3,6)
СОГИ и секс-работа	2 (11,1)	3 (9,1)	2 (6,7)	—	1 (2,1)	6 (7,7)	1 (0,3)	15 (2,3)
Случаи с множественными нарушенными правами	8 (44,4)	19 (57,6)	22 (73,3)	3 (5,2)	36 (76,6)	49 (59,0)	87 (22,7)	221 (34,2)
Случаи с множественными видами нарушений	8 (44,4)	22 (66,7)	27 (90,0)	7 (12,1)	36 (76,6)	64 (82,1)	135 (35,2)	299 (46,2)
Случаи с множественными видами нарушителей	6 (33,3)	4 (12,1)	13 (43,3)	—	9 (19,1)	14 (17,9)	35 (9,1)	81 (12,5)
Вид нарушителей								
Неизвестные лица	4 (22,2)	5 (15,2)	8 (26,7)	21 (36,2)	1 (2,1)	7 (9,0)	70 (18,3)	116 (17,9)
Сотрудники правоохранительных органов	3 (16,7)	12 (36,4)	15 (50,0)	2 (3,4)	31 (66,0)	19 (24,4)	11 (2,9)	93 (14,4)
Специалисты медицинских учреждений, не связанных с ВИЧ	3 (16,7)	2 (6,1)	5 (16,7)	19 (32,8)	1 (2,1)	25 (32,1)	33 (8,6)	88 (13,6)
Коллеги / одноклассники	1 (5,6)	1 (3,0)	1 (3,3)	1 (1,7)	—	4 (5,1)	55 (14,4)	63 (9,7)

Характеристика	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	18	33	30	58	47	78	383	647
Вид нарушителей								
Работники сферы услуг / магазинов / кафе	—	—	1 (3,3)	2 (3,4)	1 (2,1)	3 (3,8)	54 (14,1)	61 (9,4)
Работодатели	2 (11,1)	2 (6,1)	2 (6,7)	1 (1,7)	2 (4,3)	7 (9,0)	44 (11,5)	60 (9,3)
Половые партнеры / супруги	1 (5,6)	6 (18,2)	4 (13,3)	3 (5,2)	5 (10,6)	1 (1,3)	37 (9,7)	57 (8,8)
Родственники	3 (16,7)	2 (6,1)	1 (3,3)	1 (1,7)	4 (8,5)	7 (9,0)	23 (6,0)	41 (6,3)
Соседи	—	1 (3,0)	—	1 (1,7)	2 (4,3)	3 (3,8)	33 (8,6)	40 (6,2)
Военнослужащие, пограничники	3 (16,7)	—	1 (3,3)	—	3 (6,4)	1 (1,3)	18 (4,7)	20 (4,0)
Представители местных властей и государственных служб	1 (5,6)	3 (9,1)	1 (3,3)	6 (10,3)	1 (2,1)	1 (1,3)	5 (1,3)	18 (2,8)
Арендодатели	1 (5,6)	1 (3,0)	1 (3,3)	1 (1,7)	2 (4,3)	—	10 (2,6)	16 (2,5)
Друзья и знакомые	1 (5,6)	—	1 (3,3)	—	2 (4,3)	—	12 (3,1)	16 (2,5)
Специалисты медицинских учреждений, связанных с ВИЧ	—	1 (3,0)	—	—	—	8 (10,3)	4 (1,0)	13 (2,0)
Сотрудники учебных заведений	—	—	—	—	—	2 (2,6)	9 (2,3)	11 (1,7)
Клиенты секс-работников	1 (5,6)	—	1 (3,3)	—	—	3 (3,8)	—	5 (0,8)
Журналисты и блогеры	—	1 (3,0)	1 (3,3)	—	1 (2,1)	1 (1,3)	—	4 (0,6)
Специалисты неправительственных организаций	—	—	—	—	1 (2,1)	1 (1,3)	1 (0,3)	3 (0,5)
Адвокаты и юристы	—	—	—	—	1 (2,1)	—	1 (0,3)	2 (0,3)
Случаи «подставного свидания»	1 (5,6)	1 (3,0)	5 (16,7)	—	6 (12,8)	3 (3,8)	4 (1,0)	20 (3,1)

Таблица 2. Виды нарушений прав в отношении ЛГБТ-людей по странам региона, 2025 год

Характеристика	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	18	33	30	58	47	78	383	647
Право на личную неприкосновенность	7 (38,9)	6 (18,2)	11 (36,7)	6 (10,3)	8 (17,0)	23 (29,5)	123 (32,1)	184 (28,4)
Физическое насилие	5 (27,8)	3 (9,1)	10 (33,3)	5 (8,6)	2 (4,3)	11 (14,1)	75 (19,6)	111 (17,2)
Домашнее насилие	2 (11,1)	2 (6,1)	1 (3,3)	1 (1,7)	4 (8,5)	4 (6,4)	25 (6,5)	40 (6,2)
Сексуальное насилие или домогательства	—	1 (3,0)	—	—	2 (4,3)	8 (10,3)	23 (6,0)	34 (5,3)
Право на неприкосновенность частной жизни	6 (33,3)	17 (51,5)	15 (50,0)	6 (10,3)	30 (63,8)	27 (34,6)	63 (16,4)	164 (25,3)
Раскрытие или угроза раскрытия СОГИ	5 (27,8)	10 (30,3)	11 (36,7)	4 (6,9)	14 (29,8)	15 (19,2)	54 (14,1)	113 (17,5)
Вымогательство денег	—	8 (24,2)	9 (30,0)	1 (1,7)	18 (38,3)	8 (10,3)	16 (4,2)	60 (9,3)
Несанкционированный обыск жилья или имущества	—	3 (9,1)	—	—	8 (17,0)	4 (5,1)	1 (0,3)	16 (2,5)
Несанкционированный доступ к личной корреспонденции	—	1 (3,0)	1 (3,3)	—	1 (2,1)	2 (2,6)	8 (2,1)	13 (2,0)
Раскрытие или угроза раскрытия статуса ВИЧ	—	2 (6,1)	1 (3,3)	2 (3,4)	—	4 (5,1)	2 (0,5)	11 (1,7)
Принуждение к раскрытию данных о партнерах	1 (5,6)	—	—	—	3 (6,4)	2 (2,6)	—	6 (0,9)
Криминализация передачи ВИЧ	—	—	—	—	3 (6,4)	—	—	3 (0,5)
Право на наивысший достижимый уровень здоровья	4 (22,2)	3 (9,1)	5 (16,7)	18 (31,0)	1 (2,1)	32 (41,0)	38 (9,9)	101 (15,6)
Отказ предоставить медицинские услуги	2 (11,1)	2 (6,1)	5 (16,7)	15 (25,9)	1 (2,1)	20 (25,6)	25 (6,5)	70 (10,8)
Унижительное обращение в медицинском учреждении	2 (11,1)	2 (6,1)	5 (16,7)	6 (10,3)	—	15 (19,2)	25 (6,5)	55 (8,5)
Раскрытие медицинских данных о ВИЧ	—	—	—	—	—	15 (19,2)	—	15 (2,3)
Раскрытие медицинских данных о СОГИ	—	—	—	—	—	7 (9,0)	5 (1,3)	12 (1,9)

Характеристика	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	18	33	30	58	47	78	383	647
Право на труд	2 (11,1)	2 (6,1)	2 (6,7)	2 (3,4)	1 (2,1)	8 (10,3)	78 (20,4)	95 (14,7)
Буллинг на рабочем месте	—	1 (3,0)	1 (3,3)	2 (3,4)	1 (2,1)	2 (2,6)	54 (14,1)	61 (9,4)
Увольнение и отказ в приеме на работу	2 (11,1)	1 (3,0)	1 (3,3)	—	—	6 (7,7)	37 (9,7)	47 (7,3)
Отказ в выплате заработной платы, повышении	1 (5,6)	—	—	—	—	2 (2,6)	14 (3,7)	17 (2,6)
Право на признание лицом, обладающим законными правами	2 (11,1)	5 (15,2)	4 (13,3)	6 (10,3)	3 (6,4)	5 (6,4)	49 (12,8)	74 (11,4)
Порча имущества или материальный ущерб	2 (11,1)	2 (6,1)	3 (10,0)	4 (6,9)	3 (6,4)	5 (6,4)	40 (10,4)	59 (9,1)
Отказ в оформлении документов в связи с СОГИ	—	3 (9,1)	1 (3,3)	2 (3,4)	—	—	9 (2,3)	15 (2,3)
Право не подвергаться пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинству обращению или наказанию	3 (16,7)	9 (27,3)	10 (33,3)	1 (1,7)	15 (31,9)	17 (21,8)	14 (3,7)	69 (10,7)
Другие превышения полномочий правоохранительными органами	3 (16,7)	9 (27,3)	8 (26,7)	1 (1,7)	15 (31,9)	17 (21,8)	14 (3,7)	67 (10,4)
Применение силы правоохранительными органами	1 (5,6)	—	5 (16,7)	—	1 (2,1)	6 (7,7)	1 (0,3)	14 (2,2)
Право не подвергаться произвольному лишению свободы	2 (11,1)	8 (24,2)	7 (23,3)	—	23 (48,9)	15 (19,2)	2 (0,5)	57 (8,8)
Незаконный арест или задержание	2 (11,1)	8 (24,2)	7 (23,3)	—	22 (46,8)	13 (16,7)	2 (0,5)	54 (8,3)
Принуждение к даче признательных показаний	—	1 (3,0)	—	—	3 (6,4)	3 (3,8)	—	7 (1,1)
Право на равенство и недискриминацию: отказ от предоставления услуг частных заведений или унижительное отношение их работников	—	—	1 (3,3)	2 (3,4)	3 (6,4)	1 (1,3)	48 (12,5)	55 (8,5)

Характеристика	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	18	33	30	58	47	78	383	647
Право на свободу убеждений и на их свободное выражение	—	4 (12,1)	—	11 (19,0)	1 (2,1)	1 (1,3)	20 (5,2)	37 (5,7)
Язык ненависти и публичные призывы частными лицами	—	4 (12,1)	—	9 (15,5)	1 (2,1)	1 (1,3)	20 (5,2)	35 (5,4)
Язык ненависти в СМИ и общественными деятелями	—	—	—	2 (3,4)	—	—	—	2 (0,3)
Право на достаточное жилище: выселение или принуждение покинуть место проживания	1 (5,6)	2 (6,1)	1 (3,3)	3 (5,2)	2 (4,3)	2 (2,6)	21 (5,5)	32 (4,9)
Право на эффективную правовую защиту и на возмещение ущерба: отказ в предоставлении правовой помощи	1 (5,6)	1 (3,0)	8 (26,7)	—	1 (2,1)	2 (2,6)	9 (2,3)	22 (3,4)
Право на образование	—	—	—	—	—	3 (3,8)	14 (3,7)	17 (2,6)
Буллинг в учебных заведениях	—	—	—	—	—	2 (2,6)	13 (3,4)	15 (2,3)
Отчисление или угроза отчисления из учебного заведения	—	—	—	—	—	2 (2,6)	2 (0,5)	4 (0,6)
Право на жизнь	—	3 (9,1)	2 (6,7)	—	1 (2,1)	4 (5,1)	3 (0,8)	13 (2,0)
Угрозы убийства	—	1 (3,0)	2 (6,7)	—	—	2 (2,6)	2 (0,5)	7 (1,1)
Убийство или попытка убийства	—	2 (6,1)	—	—	1 (2,1)	2 (2,6)	1 (0,3)	6 (0,9)
Защита от нарушений медицинского характера	—	—	—	2 (3,4)	3 (6,4)	7 (9,0)	1 (0,3)	13 (2,0)
Принудительное тестирование на ВИЧ	—	—	—	1 (1,7)	2 (4,3)	5 (6,4)	-	8 (1,2)
Принудительное лечение	—	—	—	1 (1,7)	1 (2,1)	1 (1,3)	1 (0,3)	4 (0,6)
Принудительные анальные осмотры	—	—	—	—	—	3 (3,8)	—	3 (0,5)

Характеристика	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	18	33	30	58	47	78	383	647
Право на свободу мирных собраний и ассоциаций	—	2 (6,1)	—	2 (3,4)	1 (2,1)	—	3 (0,8)	8 (1,2)
Препятствия в проведении мирных собраний	—	2 (6,1)	—	2 (3,4)	—	—	3 (0,8)	7 (1,1)
Препятствия в работе НПО, правозащитников и активистов	—	—	—	—	1 (2,1)	—	—	1 (0,2)
Право на брак и создание семьи	—	—	—	1 (1,7)	1 (2,1)	2 (2,6)	—	4 (0,6)
Лишение права на ребенка	—	—	—	1 (1,7)	1 (2,1)	1 (1,3)	—	3 (0,5)
Принуждение к браку	—	—	—	—	—	1 (1,3)	—	1 (0,2)
Право на свободу передвижения	—	2 (6,1)	—	—	1 (2,1)	—	1 (0,3)	4 (0,6)
Принудительный выезд из города или страны	—	2 (6,1)	—	—	1 (2,1)	—	—	3 (0,5)
Отказ или препятствия в пересечении границы	—	—	—	—	—	—	1 (0,3)	1 (0,3)
Право искать убежище: отказ в предоставлении убежища	1 (5,6)	—	—	1 (1,7)	—	—	—	2 (0,3)

Таблица 3. Виды нарушений прав в отношении ЛГБТ-людей по СОГИ пострадавших, 2025 год

Характеристика	ГБМСМ	Транс* женщины	Лесбиянки и бисексуалки	Транс* мужчины	ЛГБТ-люди в целом	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	520	77	19	15	16	647
Право на личную неприкосновенность	153 (29,4)	20 (26,0)	6 (31,6)	4 (25,0)	1 (6,7)	184 (28,4)
Физическое насилие	95 (18,3)	13 (16,9)	—	2 (12,5)	1 (6,7)	111 (17,2)
Домашнее насилие	31 (6,0)	3 (3,9)	4 (21,1)	2 (12,5)	—	40 (6,2)
Сексуальное насилие или домогательства	28 (5,4)	5 (5,2)	2 (10,5)	—	—	34 (5,3)
Право на неприкосновенность частной жизни	144 (27,7)	13 (16,9)	4 (21,1)	—	3 (20,0)	164 (25,3)
Раскрытие или угроза раскрытия СОГИ	99 (19,0)	10 (13,0)	3 (15,8)	—	1 (6,7)	113 (17,5)
Вымогательство денег	52 (10,2)	4 (5,2)	1 (5,3)	—	2 (13,3)	60 (9,3)
Несанкционированный обыск жилья или имущества	14 (2,7)	1 (1,3)	—	—	1 (6,7)	16 (2,5)
Несанкционированный доступ к личной корреспонденции	13 (2,5)	—	—	—	—	13 (2,0)
Раскрытие или угроза раскрытия статуса ВИЧ	11 (2,1)	—	—	—	—	11 (1,7)
Принуждение к раскрытию данных о партнерах	4 (0,8)	2 (2,6)	—	—	—	6 (0,9)
Криминализация передачи ВИЧ	3 (0,6)	—	—	—	—	3 (0,5)
Право на наивысший достижимый уровень здоровья	77 (14,8)	17 (22,1)	5 (26,3)	2 (12,5)	—	101 (15,6)
Отказ предоставить медицинские услуги	51 (9,8)	15 (19,5)	2 (10,5)	2 (12,5)	—	70 (10,8)
Унизительное обращение в медицинском учреждении	42 (8,1)	10 (13,0)	2 (10,5)	10 (13,0)	—	55 (8,5)
Раскрытие медицинских данных о ВИЧ	12 (2,3)	—	3 (15,8)	—	—	15 (2,3)
Раскрытие медицинских данных о СОГИ	10 (1,9)	1 (1,3)	—	1 (6,3)	—	12 (1,9)

Характеристика	ГБМСМ	Транс* женщины	Лесбиянки и бисексуалки	Транс* мужчины	ЛГБТ-люди в целом	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	520	77	19	15	16	647
Право на труд	83 (16,0)	7 (9,1)	3 (15,8)	2 (12,5)	—	184 (28,4)
Буллинг на рабочем месте	55 (10,6)	4 (5,2)	1 (5,3)	1 (6,3)	—	61 (9,4)
Увольнение и отказ в приеме на работу	40 (7,7)	3 (3,9)	2 (10,5)	2 (12,5)	—	47 (7,3)
Отказ в выплате заработной платы	15 (2,9)	1 (1,3)	—	1 (6,3)	—	17 (2,6)
Право на признание лицом, обладающим законными правами	55 (10,6)	14 (18,2)	1 (5,3)	4 (25,0)	—	74 (11,4)
Порча имущества или материальный ущерб	52 (10,0)	6 (7,8)	1 (5,3)	—	—	59 (9,1)
Отказ в оформлении документов в связи с СОГИ	3 (0,6)	8 (10,4)	—	4 (25,0)	—	15 (2,3)
Право не подвергаться пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинству обращению или наказанию	43 (8,3)	18 (23,4)	3 (15,8)	1 (6,3)	4 (26,7)	69 (10,7)
Другие превышения полномочий правоохранительными органами	41 (7,9)	18 (23,4)	3 (15,8)	1 (6,3)	4 (26,7)	67 (10,4)
Применение силы правоохранительными органами	10 (1,9)	3 (3,9)	1 (5,3)	—	—	14 (2,2)
Право не подвергаться произвольному лишению свободы	39 (7,5)	11 (14,3)	2 (10,5)	—	5 (33,3)	57 (8,8)
Незаконный арест или задержание	36 (6,9)	11 (14,3)	2 (10,5)	—	5 (33,3)	54 (8,3)
Принуждение к даче признательных показаний	6 (1,2)	—	—	—	1 (6,7)	7 (1,1)
Право на равенство и недискриминацию: отказ от предоставления услуг частных заведений или унижительное отношение их работников	47 (9,0)	6 (7,8)	—	1 (6,3)	1 (6,7)	55 (8,5)
Право на свободу убеждений и на их свободное выражение	28 (5,4)	3 (3,9)	2 (10,5)	2 (12,5)	2 (13,3)	37 (5,7)
Язык ненависти и публичные призывы частными лицами	28 (5,4)	3 (3,9)	2 (10,5)	2 (12,5)	—	35 (5,4)
Язык ненависти в СМИ и общественными деятелями	—	—	—	—	2 (13,3)	2 (0,3)

Характеристика	ГБМСМ	Транс* женщины	Лесбиянки и бисексуалки	Транс* мужчины	ЛГБТ-люди в целом	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	520	77	19	15	16	647
Право на достаточное жилище: Выселение или принуждение покинуть место проживания	27 (5,2)	4 (5,2)	—	1 (6,3)	—	32 (4,9)
Право на эффективную правовую защиту и на возмещение ущерба: отказ в предоставлении правовой помощи	15 (2,9)	6 (7,8)	1 (5,3)	—	—	22 (3,4)
Право на образование	15 (2,9)	1 (1,3)	—	1 (6,3)	—	17 (2,6)
Буллинг в учебных заведениях	13 (2,5)	1 (1,3)	—	1 (6,3)	—	15 (2,3)
Отчисление или угроза отчисления из учебного заведения	4 (0,8)	—	—	—	—	4 (0,6)
Право на жизнь	10 (1,9)	1 (1,3)	2 (10,5)	—	—	13 (2,0)
Угрозы убийства	6 (1,2)	—	1 (5,3)	—	—	7 (1,1)
Убийство или попытка убийства	4 (0,8)	1 (1,2)	1 (5,3)	—	—	6 (0,9)
Защита от нарушений медицинского характера	9 (1,7)	1 (1,3)	2 (10,5)	—	1 (6,7)	13 (2,0)
Принудительное тестирование на ВИЧ	6 (1,2)	1 (1,3)	—	—	1 (6,7)	8 (1,2)
Принудительное лечение	2 (0,4)	—	2 (10,5)	—	—	4 (0,6)
Принудительные анальные осмотры	3 (0,6)	—	—	—	—	3 (0,5)
Право на свободу мирных собраний и ассоциаций	2 (0,4)	1 (1,3)	—	—	5 (33,3)	8 (1,2)
Препятствия в проведении мирных собраний	2 (0,4)	1 (1,3)	—	—	4 (26,7)	7 (1,1)
Препятствия в работе НПО, правозащитников и активистов	—	—	—	—	1 (6,7)	1 (0,2)
Право на брак и создание семьи	2 (0,4)	—	1 (5,3)	1 (6,3)	—	4 (0,6)
Лишение права на ребенка	2 (0,4)	—	—	1 (6,3)	—	3 (0,5)
Принуждение к браку	—	—	1 (5,3)	—	—	1 (0,2)

Характеристика	ГБМСМ	Транс* женщины	Лесбиянки и бисексуалки	Транс* мужчины	ЛГБТ-люди в целом	Всего
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Всего случаев (N)	520	77	19	15	16	647
Право на свободу передвижения	1 (0,2)	2 (2,6)	–	–	1 (6,7)	4 (0,6)
Принудительный выезд из города или страны	1 (0,2)	1 (1,3)	–	–	1 (6,7)	3 (0,5)
Отказ или препятствия в пересечении границы	–	1 (1,3)	–	–	–	1 (0,2)
Право искать убежище: отказ в предоставлении убежища	1 (0,2)	–	1 (5,3)	–	–	2 (0,3)

ПРАВО НА ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

В 2025 году нарушения права на личную неприкосновенность задокументированы в 184 случаях во всех странах анализа. Ключевыми формами выступали физическое, домашнее и сексуальное насилие.

Физическое насилие зафиксировано в 111 случаях и преимущественно затрагивало ГБМСМ и транс* людей на основании СОГИ либо в сочетании с секс-работой. В большинстве эпизодов оно носило комплексный характер и развивалось как часть цепочки взаимосвязанных нарушений, включая угрозы, аутинг, вымогательство, произвольные задержания и шантаж.

Нападения происходили как в публичных пространствах (улицы, транспорт, заведения), так и в частных контекстах — в квартирах, арендованном жилье и в ходе знакомств. В Украине и Казахстане зафиксированы избиения в общественных местах после гендерного самовыражения (например, символика). В ряде украинских кейсов физическое насилие совершалось знакомыми или родственниками партнеров, что указывает на расширение круга агрессоров за пределы случайных контактов.

Отдельную группу составляют подставные свидания и знакомства через онлайн-платформы (8 случаев). В Армении, Узбекистане, Кыргызстане и Украине ГБМСМ и транс* людей целенаправленно вовлекали во встречи, после чего избивали, грабили и унижали. Насилие нередко сопровождалось видеосъемкой и угрозами распространения материалов, что свидетельствует об использовании физического насилия как инструмента контроля и подавления.

В 6 случаях физическое насилие происходило в контексте секс-работы, преимущественно в отношении транс* секс-работниц. В Узбекистане, Кыргызстане и Армении клиенты избивали пострадавших, похищали деньги и имущество, а затем шантажировали угрозами обращения в полицию. Криминализация секс-работы в сочетании со стигматизацией ЛГБТ-людей формирует условия фактической безнаказанности.

Отдельного внимания заслуживают 15 случаев физического насилия в отношении транс* людей, задокументированные во всех странах, кроме Казахстана. Избиения, принуждение к раздеванию и сексуализированные унижения указывают на трансфобную мотивацию и стремление лишить человека субъектности и контроля над собственным телом.

Во многих кейсах физическое насилие развивалось по типовой схеме: аутинг — угрозы — избиения — вымогательство — произвольное задержание или вынужденный отъезд. Страх огласки, криминализации и недоверие к правоохранительным органам приводили к тому, что большинство пострадавших либо не обращались за защитой, либо прекращали попытки добиться справедливости на ранних этапах.

Домашнее насилие задокументировано в 40 случаях во всех странах анализа и, несмотря на формальное наличие защитного законодательства [12-18], носило длительный и системный характер. Наиболее распространенной формой было насилие со стороны родителей и родственников после каминг-аута или аутинга. В Таджикистане, Казахстане и Узбекистане раскрытие СОГИ приводило к побоям, угрозам, изоляции, лишению связи и изгнанию из дома. В ряде случаев отцы и старшие братья применяли жестокое физическое насилие «для исправления», тогда как матери выступали источником психологического давления или поддерживали агрессию. Несовершеннолетние и молодые взрослые сталкивались с суицидальными подстрекательствами и угрозами «лечения» или «перевоспитания».

Домашнее насилие фиксировалось и в партнерских отношениях, где проявлялось в форме психологического, физического и экономического давления. В Украине задокументированы случаи систематического унижения, ограничения контактов, угроз аутинга семье или на работе, применения физической силы и уничтожения имущества, что противоречит закону «О предотвращении и противодействии домашнему насилию», принятому в 2017 году и распространяющемуся на лиц, проживающих вместе, но не состоящих в браке [17]. Во многих ситуациях домашнее насилие становилось пусковым механизмом вторичных нарушений — вынужденного бегства, потери жилья, прерывания обучения или работы (например, в Армении, Казахстане, Таджикистане). Суицидальные мысли и самоповреждения напрямую связывались с длительным семейным давлением, а в отдельных кейсах уязвимость усиливалась пересечением СОГИ и ВИЧ-статуса (Узбекистан).

Сексуальное насилие и домогательства задокументированы в 34 случаях в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Украине. Во многих эпизодах ключевым механизмом контроля выступал страх аутинга, а дополнительными рычагами — институциональная власть, зависимость от работодателя или медицинского работника и уязвимое социальное положение пострадавших.

Часть случаев была связана с насилием со стороны представителей государства и профессиональных структур. В Узбекистане задокументированы эпизоды жестокого обращения и сексуализированного унижения транс* женщин в полиции, включая принуждение третьего лица к сексуальным действиям и угрозы группового изнасилования, а также случаи изнасилования МСМ-пациентов урологами с последующим шантажом раскрытия СОГИ. Согласно ст. 118 УК, изнасилование работником лечебного учреждения, на которого возложены обязанности осуществлять присмотр за потерпевшим, наказывается лишением свободы от 10 до 15 лет [11]. Однако, при обращении пострадавшего за правовой помощью, что может повлечь за собой аутинг со стороны нарушителя в процессе расследования, есть риск обвинения самого пострадавшего по ст. 120. В Казахстане зафиксирован кейс сексуального насилия со стороны руководителя ЛГБТ-заведения во время сна пострадавшего, при этом ст. 121 УК предусматривает наказание за действия сексуального характера с применением насилия или угрозой его применения, а также с использованием беспомощного состояния потерпевшего в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет [19].

Домогательства и попытки сексуального принуждения происходили и в повседневных ситуациях — в такси, сервисах и магазинах. В Узбекистане задокументировано сексуальное насилие со стороны водителя такси, а в Украине — незаконное удержание и попытки изнасилования в общественных местах. Во многих случаях пострадавшие соглашались на юридическую поддержку только при условии минимизации риска вторичной виктимизации.

Сексуальное насилие также происходило в семейной среде. В Узбекистане зафиксирован случай повторяющихся изнасилований со стороны отчима в отношении МСМ, где контроль поддерживался угрозами аутинга и раскрытия ВИЧ-статуса. Отдельную группу составляют случаи сексуального принуждения через шантаж интимными материалами, преимущественно в Украине.

В целом, нарушения права на личную неприкосновенность в отношении ЛГБТ-людей в регионе носят системный и взаимосвязанный характер. Физическое, домашнее и сексуальное насилие, а также умышленное создание риска инфицирования ВИЧ формируют устойчивую модель контроля, основанную на стигме, неравенстве власти и страхе раскрытия идентичности. Ограниченный доступ к защите, недоверие к правоохранительным органам и риск вторичной виктимизации способствуют сохранению безнаказанности и перекладывают бремя защиты на самих пострадавших и правозащитные механизмы.

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

В 2025 году задокументировано 164 случая нарушения права на неприкосновенность частной жизни, что составляет около трети всех зафиксированных нарушений. Во всех странах анализа фиксировались вмешательства, связанные с раскрытием или угрозой раскрытия СОГИ, вымогательством, несанкционированным доступом к личным данным и корреспонденции, обысками, принуждением к раскрытию информации о партнерах, а также с раскрытием или угрозой раскрытия статуса ВИЧ и криминализацией передачи ВИЧ. В Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане почти половина всех задокументированных случаев напрямую связана с нарушением приватности, в Узбекистане и Армении — около трети.

Раскрытие или угроза раскрытия СОГИ (аутинг) зафиксированы в 113 случаях и, как правило, выступало частью комплексных нарушений. Наиболее распространенным сценарием являлся шантаж аутингом в межличностных и интимных отношениях — со стороны бывших партнеров, случайных знакомств, контактов через приложения и социальные сети. В Таджикистане и Кыргызстане бывшие партнеры ГБМСМ угрожали рассылкой интимных материалов родственникам или их публикацией онлайн. Аналогичные кейсы задокументированы в Казахстане, Украине и Молдове, где угрозы аутинга сочетались с вымогательством, психологическим насилием и принуждением к продолжению нежелательных отношений.

Устойчивым механизмом оставались подставные свидания. В Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане МСМ и транс* женщин целенаправленно вовлекали во встречи, тайно фиксировали на видео или получали доступ к интимным материалам, после чего требовали деньги под угрозой публикации. Для Украины и Молдовы более характерны ситуации, когда после добровольного контакта инициатор возвращался с угрозами рассылки видео/фото и требованиями оплаты.

Аутинг также применялся со стороны правоохранительных органов — через принуждение к «признаниям» и угрозы раскрытия СОГИ семье или окружению. В Украине задокументированы случаи аутинга в трудовой и образовательной среде, приводившие к буллингу, увольнению или отчислениям и, как следствие, к утрате дохода и социального статуса.

Цифровая среда выступала самостоятельным пространством нарушений приватности. В Казахстане, Узбекистане, Армении, Украине и Молдове фиксировались публикации персональных данных, паспортных фото, интимных материалов и прямые указания на СОГИ в социальных сетях.

Распространены взломы аккаунтов, создание фейковых профилей и рассылка сообщений родственникам и коллегам. Во многих случаях пострадавшие отказывались от обращения к формальным механизмам защиты, поскольку аутинг воспринимался как риск, превышающий само правонарушение, а обращение в полицию или суд часто означало расширение круга осведомленных лиц.

Вымогательство задокументировано в 60 случаях, во всех странах, кроме Армении, и чаще всего происходило именно в контексте угроз раскрытия СОГИ. Финансовые требования сопровождалась угрозами аутинга, распространения интимных материалов, фабрикация обвинений (в том числе по статьям о «распространении ВИЧ», порнографии, мужеложестве или проституции), а также применением насилия. Значительная часть кейсов связана с коррупционным вымогательством со стороны правоохранительных органов — незаконными задержаниями, изъятием телефонов и документов, угрозами возбуждения дел и предложениями «решить вопрос» за деньги. В условиях недоверия к институциям пострадавшие чаще выбирали стратегии минимизации вреда — передачу денег, блокировку контактов, переговоры через правозащитников или смену места проживания.

Несанкционированные обыски жилья и имущества задокументированы в 16 случаях в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Украине и преимущественно затрагивали ГБМСМ, а в одном случае — транс* женщину. Наиболее распространенной практикой являлись произвольный личный досмотр в общественных местах, на блокпостах или в отделениях полиции, сопровождавшиеся уничижительными комментариями и гомофобной риторикой. В Узбекистане и Таджикистане фиксировались проникновения в квартиры под видом «проверок» и «оперативных мероприятий» с изъятием личных вещей и носителей информации. Отдельным устойчивым сценарием стало изъятие и обыск цифровых устройств с принуждением к разблокировке телефонов и просмотру переписок и приложений для знакомств, в том числе — в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане — в ходе рейдов и подставных операций.

Несанкционированный доступ к личной корреспонденции зафиксирован в 13 случаях во всех странах, кроме Армении и Молдовы, и часто становился пусковым механизмом дальнейшего насилия — от аутинга и унижения до физического, сексуального и экономического давления. Нарушителями выступали как представители государства, так и родственники, партнеры, коллеги и знакомые. В Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане такие вмешательства нередко приводили к немедленному аутингу в семье или общине, а Казахстане, Узбекистане и Украине — к физическому насилию и угрозам со стороны родственников. В Украине фиксировались кейсы целенаправленного доступа одноклассников и соседей к аккаунтам пострадавших с последующим распространением данных и публичным унижением. При этом, в каждой из стран действует законодательство, направленное на тайну корреспонденции и переписок, как и запрет на незаконное собирание и распространение информации о частной жизни (например, ст. 144 УК Таджикистана [20]).

Раскрытие или угроза раскрытия статуса ВИЧ задокументированы в 11 случаях во всех странах, кроме Армении и Таджикистана, и касались ГБМСМ. Во всех эпизодах сам риск раскрытия диагноза в условиях стигматизации становился самостоятельной формой вреда, независимо от того, были ли информация фактически обнародована. В Кыргызстане и Узбекистане зафиксирован шантаж ВИЧ-статусом со стороны правоохранительных органов, а в Украине — случаи вынужденного раскрытия диагноза представителям ТЦК для прекращения удержания или подтверждения освобождения от воинского учета. ВИЧ-статус также использовался как инструмент давления в трудовых отношениях (Узбекистан) и в форме клеветы в цифровой среде (Казахстан, Молдова).

Криминализация передачи ВИЧ задокументирована в трех случаях в Таджикистане в отношении ГБМСМ и демонстрирует использование уголовного законодательства (ст. 125 УК) [20] как инструмента репрессивного контроля. Уголовное преследование инициировалось при отсутствии доказанного факта передачи ВИЧ — исключительно на основании статуса и сексуальных контактов, включая доступ полиции к личной переписке и социальным сетям, а в одном случае знакомство с партнером, вероятно, носило подставной характер.

Таким образом, нарушения права на неприкосновенность частной жизни носят воспроизводимый характер и используются как универсальный инструмент контроля, давления и наказания ЛГБТ-людей. Приватность — в цифровой, семейной, трудовой и институциональной среде — систематически поддается через аутинг, вымогательство и криминализацию, что усиливает уязвимость пострадавших и фактически лишает их безопасных механизмов защиты.

ПРАВО НА НАИВЫСШИЙ ДОСТИЖИМЫЙ УРОВЕНЬ ЗДОРОВЬЯ

В 2025 году задокументирован 101 случай нарушения права на наивысший достижимый уровень здоровья, при этом около трети случаев пришлось на Украину и Узбекистан. Нарушения преимущественно проявлялись в отказе в медицинской помощи, унижительном обращении в медицинских учреждениях, а также в раскрытии медицинских данных о ВИЧ-статусе и/или СОГИ пострадавших.

Отказ в медицинской помощи зафиксирован в 70 случаях во всех странах региона, наиболее часто — в Украине (24 случая) и Узбекистане (20). Отказ касался как экстренной и специализированной помощи, так и базовых услуг в сфере ВИЧ — тестирования, профилактики и лечения. В подавляющем большинстве эпизодов ключевым триггером выступали СОГИ и/или ВИЧ-статус, а сами отказы сопровождалась стигматизирующим и унижающим отношением.

Типичным механизмом являлась резкая смена отношения медицинского персонала после раскрытия СОГИ или ВИЧ-статуса — пациенты, уже принятые на лечение, сталкивались с отказом в продолжении терапии, необоснованной выпиской, перенаправлением в другие учреждения или предложением лечиться амбулаторно без клинических оснований. Подобные ситуации задокументированы при обращении за хирургической, офтальмологической, стоматологической и неврологической помощью в Узбекистане, Казахстане и Кыргызстане, где ВИЧ-статус или транс* идентичность прямо использовались как аргумент для отказа.

В ряде случаев отказы касались экстренной и стационарной помощи, включая ситуации с прямой угрозой жизни и здоровью. В Узбекистане и Молдове фиксировались отказы в госпитализации при остром аппендиците, тяжелых ожогах, оппортунистических инфекциях и осложненных хронических состояниях. Медицинские решения подменялись моральной оценкой пациента, а отказ маскировался под «отсутствие показаний» или «возможность лечиться дома», что указывает на дискриминационный характер таких практик.

Отдельную группу составляют ограничения доступа к антиретровирусной терапии (АРТ), доконтактной (ДКП) и постконтактной (ПКП) профилактике. В Узбекистане задокументированы отказы в назначении и выдаче АРТ, давление с целью прекращения терапии, отказ в смене схемы лечения при выраженных побочных эффектах, а также угрозы не назначить лечение как форму наказания, что прямо противоречит ст. 21 закона «О противодействии распространения заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция)» [21].

В Казахстане зафиксирован отказ в ПКП после рискованных контактов, а в Украине — ограничения доступа к ДКП под предлогом «нехватки препаратов» и «снятия с учета», что противоречит клиническим протоколам и государственным программам профилактики ВИЧ.

Для беженцев и заявителей на убежище характерны дополнительные барьеры. В Молдове задокументированы случаи фактической недоступности ДКП, диагностики и лечения ИППП из-за административного статуса и неосведомленности медицинского персонала, включая заявления врачей о том, что они «не знают о ДКП» или не могут назначить ее беженцам из Украины (8 случаев). Такие отказы приводили к прерыванию профилактики и лечения и повышали риск ухудшения состояния здоровья.

Существенную долю случаев составляют отказы в оказании помощи транс* людям (17 случаев). Врачи отказывались в осмотре, обследовании, выдаче направлений и медицинских заключений, ссылаясь на «отсутствие опыта», «несоответствие документов» или личные убеждения. В ряде случаев отказ сопровождался публичным унижением, мисгендерингом и разглашением конфиденциальной информации, что усиливало травматизацию и формировало избегание медицинских учреждений.

Унизительное обращение в медицинских учреждениях задокументировано в 55 случаях во всех странах, кроме Таджикистана, и почти половина из них (25) приходится на Украину. Речь идет не о качестве лечения, а о систематическом транслировании пациентам представления о них как о «неправильных», «нежелательных» или «виноватых» — из-за СОГИ или ВИЧ-статуса или их сочетания. Наиболее распространены вербальные унижения, моральное осуждение, обвинения в «аморальности» и «распространении болезней», прямые пожелания смерти, а также демонстративная стигматизация ВИЧ — отказ касаться пациента, показательная дезинфекция, комментарии о «заразности». Для ЛГБТ-людей, включая транс* персон, характерны мисгендеринг и публичное «выяснение, кто вы такой», превращающие медицинский визит в источник стыда и психологического насилия.

Раскрытие медицинских данных о ВИЧ задокументировано в 15 случаях, все — в Узбекистане. Нарушения происходили как в специализированных СПИД-центрах, так и в учреждениях первичной и специализированной помощи (например, стоматологиях). Диагноз разглашался третьим лицам без согласия пациентов — родственникам, соседям, арендодателям, коллегам и представителям махалли — под предлогом «профилактики», «заботы» или «служебной необходимости». Устойчивым паттерном являлось публичное озвучивание диагноза внутри медицинских учреждений (например, в коридорах), использование стигматизирующих формулировок («у вас СПИД», «вы со СПИДом») и визуальных маркеров в документации. В одном из случаев медицинский работник использовал доступ к базе СПИД-центра, что привело к передаче информации третьим лицам с дальнейшими насилием и угрозами. В ряде кейсов раскрытие ВИЧ-статуса использовалось как инструмент давления и шантажа — медицинские работники угрожали передачей информации в махаллинские комитеты, правоохранительные органы или по месту работы, а в одном случае врач потребовал крупную сумму денег за «конфиденциальное оформление» лечения.

Раскрытие медицинских данных о СОГИ задокументировано в 12 случаях (7 — в Узбекистане, 5 — в Украине) и включало как прямое разглашение информации, так и практики, при которых СОГИ пациента становилась предметом публичного обсуждения или передачи третьим лицам без согласия. В государственных учреждениях фиксировались «коридорные аутинги», неэтичная фиксация СОГИ в документации и игнорирование просьб об ограничении доступа к данным. В Украине задокументирован случай публичного рассказа врача в медиа о «медицинской истории» с деталями, позволяющими идентифицировать пациента.

В Узбекистане последствия раскрытия СОГИ усугубляются риском уголовного преследования — медицинские работники угрожали передачей информации в правоохранительные органы, а в отдельных случаях сведения, полученные в ходе медицинской консультации, становилась основанием для вызова пациента в органы внутренних дел, где он подвергался унижениям, угрозам и вымогательству.

В целом, отказы в помощи, унизительное обращение и раскрытие конфиденциальных данных носят не единичный, а воспроизводимый характер. Медицинская система в ряде контекстов становится источником стигмы и насилия, что подрывает доверие к здравоохранению, приводит к отказу от лечения и профилактики и напрямую угрожает здоровью пострадавших.

В странах региона задокументировано 95 случаев нарушений права на труд, включая буллинг, увольнения и отказы в приеме на работу, а также отказы в выплатах заработной платы или связанных трудовых гарантий. Случаи зафиксированы во всех странах региона и преимущественно связаны с СОГИ, а два случая (Казахстан и Узбекистан) касались ВИЧ-статуса пострадавших.

Буллинг на рабочем месте зафиксирован в 61 случае, преимущественно в отношении ГБМСМ по признаку сексуальной ориентации. В большинстве эпизодов триггером выступал не добровольный каминг-аут, а аутинг, подозрения или гендерное самовыражение (например, символика, внешний вид), участие в публичных мероприятиях, активность в социальных сетях или случайно подслушанные разговоры. После этого рабочая среда быстро переходила из нейтральной во враждебную, и одного эпизода «видимости» нередко было достаточно для запуска системного давления (Украина, Молдова, Узбекистан).

Наиболее распространенным механизмом являлась нормализация словесного насилия под видом «шутки», «личного мнения» или «корпоративной культуры». Фиксировались гомофобные комментарии, уничижительные прозвища и обвинения в «ненормальности», особенно в отношении ГБМСМ и транс* людей. Параллельно давление маскировалось под управленческие решения — исключение из проектов, навязывание непропорциональных показателей эффективности, перевод на изолированные или менее престижные задачи. Дополнительным инструментом давления выступали угрозы аутинга и контроля — обещания «рассказать руководству», «вынести информацию в коллектив» или за пределы рабочего места. В Казахстане и Таджикистане такие угрозы сопровождалась запугиванием, намеками на физическое насилие или дискредитацию, что существенно снижало готовность пострадавших обращаться за защитой.

В ряде случаев давление перерастало в реальную небезопасность, включая физическое насилие, особенно в сферах обслуживания и низкооплачиваемого труда. Фиксировались избиения после смен, угрозы расправой и отказ работодателей признавать инциденты, с перекладыванием ответственности на пострадавших («сам спровоцировал», «не так выглядишь»), в частности в Узбекистане, Кыргызстане и Украине. Типичной реакцией работодателей был виктимблейминг и уход от ответственности — вместо вмешательства пострадавшим предлагали «не афишировать личное», «быть осторожнее» или сменить работу. Даже при системном буллинге обращения нередко игнорировались либо приводили к усилению давления (Украина, Молдова).

Увольнение и отказы в трудоустройстве задокументированы в 47 случаях во всех странах региона, кроме Молдовы и Таджикистана, и чаще всего были связаны с сексуальной ориентацией пострадавших. Два случая увольнения МСМ по причине ВИЧ-статуса зафиксированы в Казахстане и Узбекистане — диагноз использовался как повод для давления и принуждения к уходу при отсутствии медицинских и правовых оснований.

Наиболее распространенный сценарий — увольнение или отказ в приеме под прикрытием «репутационных рисков», жалоб клиентов или ссылок на «семейный формат» и «внутренние правила». В сферах обслуживания, доставки, торговли и гостеприимства сотрудники теряли работу или смены после гомофобных жалоб, при этом руководство отказывалось признавать дискриминационный мотив. Дополнительным фактором уязвимости оставалась неформальная занятость — в Армении и Украине испытательные сроки, отсутствие договоров и гибридные форматы использовались для мгновенного прекращения работы без процедуры и гарантий.

Другой устойчивый механизм — принуждение к увольнению «по собственному желанию» через давление, лишение смен и сигналы о «несовместимости с корпоративной культурой». В кейсах из Украины и Казахстана профессиональные качества работников не оспаривались, однако именно СОГИ становилось ограничивающим фактором.

Отказы в трудоустройстве часто происходили на финальных этапах отбора и маскировались под формальные причины — после интервью или стажировки кандидатов «не брали» из-за внешности, вопросов о личной жизни или документов транс* людей, при этом вакансии продолжала существовать.

Особо уязвимыми остаются сферы, апеллирующие к «морали» и работе с детьми. В Украине и Узбекистане учителей, воспитателей и работников образования вытесняли после аутинга или публичности, используя давление родителей, обвинения в «аморальности» и формальные дисциплинарные основания, а СОГИ фактически приравнивалась к профессиональной непригодности.

Отказы в выплатах заработной платы, обязательных компенсациях или повышении зафиксированы в 17 случаях в Армении, Узбекистане и Украине и использовались как инструмент наказания, контроля и вытеснения с рабочего места. Фиксировались невыплаты зарплаты, больничных, отпускных и компенсаций при увольнении под предлогом отсутствия договора или «внутренних решений». В отдельных кейсах (Армения, Украина) после обращений в инспекцию труда или переговоров через правозащитников выплаты удавалось восстановить, в других (Узбекистан) невыплаты сопровождалась угрозами и аутингом.

Скрытые формы финансовой дискриминации включали блокирование карьерного роста, снижение доходов через урезание премий, перевод на менее оплачиваемые роли и адресное ужесточение требований под видом «оптимизации». В одном из украинских кейсов снижение зарплаты и рост нагрузки применялись как давление после отказа от романтических отношений с руководителем.

В целом, нарушения права на труд формируют воспроизводимый паттерн — видимость или подозрение СОГИ запускает буллинг, который трансформируется в экономическое давление и нередко заканчивается вытеснением с работы. В условиях слабых внутренних механизмов защиты и распространенного виктимблейминга пострадавшие часто выбирают уход, а не формальное отстаивание прав, что закрепляет безнаказанность и системный характер дискриминации.

ПРАВО НА ПРИЗНАНИЕ ЛИЦОМ, ОБЛАДАЮЩИМ ЗАКОННЫМИ ПРАВАМИ

В 2025 году во всех странах анализа задокументировано 74 случая нарушения права на признание лицом, обладающим законными правами. Основную долю составляют случаи порчи имущества или материального ущерба (59 случаев), при этом наибольшее их число зафиксировано в Украине (40). Для Украины также характерны отказы в оформлении документов по признаку СОГИ (9 случаев), тогда как в Казахстане, Кыргызстане и Молдове такие нарушения носили единичный характер.

Порча имущества или материальный ущерб вступали как самостоятельная формой нарушений, так и продолжением физического, сексуального или психологического насилия. Ущерб нередко наносился целенаправленно, сопровождался гомофобной или трансфобной риторикой и угрозами аутинга, а его целью было создание небезопасной среды и вытеснение пострадавших.

В Украине и Молдове фиксировались разрисовывание дверей и стен гомофобными надписями, разбитые окна, повреждение замков и систематическое загрязнение входных дверей. В малых городах и сельских районах такие действия быстро приобретали публичный характер и приводили к вынужденному отъезду.

Значительная часть материального ущерба наносилась непосредственно в ходе нападения. В Украине, Кыргызстане, Армении и Узбекистане зафиксированы случаи изъятия или уничтожения телефонов, ноутбуков, денег и личных вещей во время гомофобных атак, подставных свиданий или сексуализированного насилия. Лишение средств связи и документов использовалось для ограничения доступа к помощи и усиления контроля над пострадавшими.

В ряде случаев материальный ущерб связан с потерей жилья или финансовыми потерями. В Украине и Таджикистане задокументированы незаконные выселения, отказ в возврате арендной платы и удержание депозитов после выявления СОГИ пострадавших. В Узбекистане, Кыргызстане и Армении клиенты отказывались оплачивать услуги транс* и цисгендерных секс-работниц, применяли насилие, похищали деньги и имущество, а затем шантажировали угрозами обращения в полицию или распространения интимных материалов. Такие кейсы демонстрируют прямую связь материального ущерба с криминализацией, стигмой и невозможностью безопасно обратиться за защитой.

Отдельную группу составляют случаи, когда правоохранительные органы изымали телефоны, паспорта и деньги без процессуального оформления, требовали взятки или фактически легитимировали ущерб, причиненный третьими лицами. В Таджикистане и Узбекистане такие действия сопровождалась угрозами уголовного преследования по статьям, связанным с «мужеложеством», «проституцией» или ВИЧ, что превращало материальный ущерб в элемент системного давления и вымогательства.

Нарушения, связанные с отказом в оформлении документов в связи с СОГИ, преимущественно затрагивали транс* людей (12 из 15 случаев). Типичными практиками были выдвигание дополнительных требований, не предусмотренных законодательством, затягивание процедур, перенаправление и унижающее обращение. В Казахстане зафиксированы отказы в изменении документов транс* людям при наличии полного пакета медицинских справок, и решения мотивировались «незавершенностью перехода» и сопровождалась требованиями дополнительных хирургических вмешательств, поскольку хирургические вмешательства по формированию так называемых мужских и женских гениталий, в том числе стерилизация, продолжают являться обязательным условием для получения разрешения на смену паспортного пола [22], несмотря на призывы Комитета против пыток ООН отменить данное требование [23]. Часть заявителей вовлечена в судебные процессы или готовится к их началу, сталкиваясь с процедурными задержками, в т. ч. из-за параллельного бракоразводного процесса.

В Кыргызстане зафиксирован случай, когда транс* девушка столкнулась с препятствием при получении паспорта из-за отказа сотрудницы Центров обслуживания населения разбираться в ситуации и требования присутствия родителей, и барьер был устранен после вмешательства НПО и коммуникации с руководством учреждения. В Украине и Молдове препятствия в оформлении документов затрагивали как транс* людей, так и ГБМСМ. В Украине фиксировались унижающее обращение в Центрах предоставления административных услуг и органах регистрации актов гражданского состояния, отказы принимать документы под предлогом «отсутствие внутренних инструкций», сомнений в достоверности справок или отказа обслуживать по экстерриториальному принципу. В Молдове среди МСМ отмечались отказы и затягивание выдачи справок и нотариальных услуг после раскрытия сексуальной ориентации, что фактически блокировало доступ к юридическим действиям.

В целом задокументированные случаи указывают на устойчивую уязвимость ЛГБТ-людей, прежде всего транс* людей, в сфере юридического признания и доступа к государственным услугам. Реализация базовых прав во многих ситуациях зависит от субъективных установок персонала, правовой неграмотности и дискриминационных практик, что делает такие нарушения системными.

ПРАВО НЕ ПОДВЕРГАТЬСЯ ПЫТКАМ И ЖЕСТОКОМУ, БЕСЧЕЛОВЕЧНОМУ ИЛИ УНИЖАЮЩЕМУ ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЮ ИЛИ НАКАЗАНИЮ

В 2025 году задокументировано 69 случаев нарушений права не подвергаться пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Основную часть таких нарушений составляют превышения полномочий со стороны правоохранительных органов, а в 14 случаях зафиксировано прямое применение физической силы. Подобные практики отмечены во всех странах анализа, при этом применение силы чаще всего фиксировалось в Кыргызстане и Таджикистане. При этом, в каждой из стран, где подобные случаи были задокументированы, действует запрет на превышение власти или должностных полномочий [11, 19, 20, 24, 25].

Анализ кейсов показывает, что физическое и психологическое насилие со стороны правоохранительных органов носит устойчивый и целенаправленный характер. Насилие применялось не только при задержании, но и как инструмент запугивания, выбивания признаний, вымогательства и принуждения к сотрудничеству. Наиболее тяжелые формы таких нарушений зафиксированы в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане, однако элементы унижающего достоинство обращения присутствуют по всех странах региона.

Во многих случаях насилие начиналось уже в момент фактического задержания — без предъявления документов, объяснения причин или процессуального оформления. Пострадавших избивали руками, ногами и подручными предметами, применяли удушение, удерживали в болезненных позах. В Таджикистане и Узбекистане зафиксированы случаи длительного незаконного удержания в отделениях полиции или изоляторах временного содержания, сопровождающиеся систематическими избиениями, лишением сна, еды и доступа к медицинской помощи. В отдельных кейсах МСМ и транс* женщин удерживали в таких условиях до двух недель.

Особо тяжелую категорию составляют случаи сексуализированного насилия. В Таджикистане и Узбекистане зафиксированы изнасилования, угрозы группового изнасилования, принудительные анальные «осмотры» и иные унижающие действия, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов либо с их попустительства.

В ряде случаев насилие сопровождалось видеосъемкой и последующим шантажом, что усиливало травматизацию и фактически лишало пострадавших возможности обратиться за защитой. Такие практики преимущественно применялись в отношении ГБМСМ и транс* женщин и носили карательный характер. Физическое и психологическое насилие часто использовалось как инструмент вымогательства. Пострадавшим угрожали уголовными делами, аутингом и публикацией компрометирующих материалов. В Кыргызстане, Таджикистане и Казахстане зафиксированы случаи, когда суммы вымогательства достигали нескольких тысяч долларов США, а отказ платить приводил к усилению давления, новым актам насилия или фабрикациям обвинений.

Также задокументирована практика вербовки ЛГБТ-людей под угрозой насилия и уголовного преследования — с принуждением к предоставлению контактов сообщества, участию в подставных свиданиях или негласному сотрудничеству.

Даже при отсутствии физического насилия обращения сотрудников правоохранительных органов нередко носило унижительный характер. Пострадавших систематически оскорбляли, использовали гомофобную и трансфобную лексику, высмеивали внешний вид или СОГИ. В Армении, Кыргызстане и Казахстане задокументированы случаи отказа принимать заявления от ЛГБТ-людей, сопровождавшиеся насмешками и демонстративным пренебрежением, что фактически лишало пострадавших доступа к правосудию.

Во всех странах региона пострадавшие крайне редко подавали жалобы на пытки и жестокое обращение, основные причины чего — страх повторных репрессий, недоверие к правоохранительным органам и негативный предыдущий опыт. Даже в случаях подачи заявлений (например, в Армении) расследования затягивались, а виновные не привлекались к ответственности, что формирует устойчивое ощущение безнаказанности и способствует дальнейшему воспроизводству таких практик.

ПРАВО НЕ ПОДВЕРГАТЬСЯ ПРОИЗВОЛЬНОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В 2025 году задокументировано 57 случаев нарушения права не подвергаться произвольному лишению свободы, включая незаконные задержания, аресты и принуждение к даче признательных показаний. Такие случаи зафиксированы во всех странах анализа, за исключением Молдовы, при этом наибольшее их число приходится на Таджикистан (23) и Узбекистан (15).

Незаконное лишение свободы со стороны правоохранительных органов задокументировано в 54 случаях. Задержания осуществлялись без законных оснований, процессуального оформления и разъяснения прав и носили выборочный и дискриминационный характер. Формальными предлогами служили «установление личности», «оперативные мероприятия», «проверка документов», «рейды», «миграционные проверки», «жалобы соседей», тогда как фактическими основаниями выступали предполагаемая или реальная принадлежность к ЛГБТ-сообществу, ВИЧ-статус либо использование онлайн-платформ для знакомств, нередко в контексте подставных свиданий.

Задержанных доставляли в отделение полиции и удерживали от нескольких часов до нескольких суток с изъятием телефонов, ограничением свободы передвижения и без доступа к адвокату. В Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане значительная часть задержаний происходила в частных пространствах — квартирах, гостиницах, клубах или местах встреч после онлайн-знакомств.

В Казахстане характерной практикой стали массовые рейды в ЛГБТ-дружественных пространствах, в ходе которых людей удерживали часами без объяснения причин, запрещали пользоваться телефонами, собирали персональные данные и привлекали к административной ответственности по формальным основаниям, не связанным с заявленными целями проверок.

Произвольные задержания фиксировались и при обращении за помощью. В ряде случаев транс* женщины, вызвавшие полицию после нападений, сами оказывались доставленными в отделения, тогда как нападавшие не привлекались к ответственности. В отделениях им отказывали в приеме заявлений, подвергали унижительным высказываниям и угрозам, что формирует устойчивый паттерн повторной виктимизации. Транс* женщин также задерживали под предлогом «несоответствия внешности документам» — на улицах, в транспорте и в общественных местах, в том числе в Узбекистане. В отдельных случаях такие задержания продолжались всю ночь и сопровождалась допросами, унижением и угрозами дальнейшего преследования.

В ряде кейсов произвольное лишение свободы использовалось как инструмент давления с целью получения признаний и подписания документов. Принуждение к даче показаний происходило в условиях изоляции, психологического давления, угроз, а в отдельных случаях — с применением физического насилия. В семи случаях (по три в Таджикистане и Узбекистане) сотрудники полиции прямо заявляли, что признание «я гей» или «я бисексуал» позволит избежать уголовного преследования («нам нужно для статистики»). Отказ сопровождался угрозами возбуждения дел по ст. 120 «Мужеложество» Узбекистана, ст. 241 «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» УК Таджикистана, ст. 125 УК Таджикистана и ст. 113 Узбекистана о заражении или распространении ВИЧ-инфекций. После получения признаний обращение, как правило, ухудшалось и сопровождалось оскорблениями, унижением и угрозами аутинга.

Отдельной устойчивой практикой стало принуждение к подписанию ложных документов — объяснительных, признательных показаний, заявлений об отсутствии претензий и протоколов об административных правонарушениях, не соответствующих реальным обстоятельствам. В Таджикистане и Узбекистане зафиксированы случаи, когда после многочасовых задержаний, унижений и побоев пострадавших вынуждали подписывать такие документы под угрозой продления задержания, усиления насилия или передачи информации третьим лицам.

Задokumentированные случаи указывают на системный характер нарушений права не подвергаться произвольному лишению свободы. Задержание используется не как мера в рамках закона, а как инструмент запугивания, контроля и подавления, направленный прежде всего на ГБМСМ и транс* женщин, с последующим принуждением к даче ложных показаний и отказу от защиты своих прав.

ПРАВО НА РАВЕНСТВО И НЕДИСКРИМИНАЦИЮ

Нарушения права на равенство и недискриминацию в 2025 году носили системный характер и часто пересекались с нарушениями других прав. В данном разделе рассматриваются случаи дискриминации в сфере частных услуг — отказ в обслуживании и унижительное обращение со стороны работников коммерческих заведений. Другие формы дискриминации (в частности, в сфере труда) анализируются в соответствующих разделах отчета.

В 2025 году задokumentировано 55 случаев нарушения права на равенство и недискриминацию ЛГБТ-людей в сфере частных услуг, зафиксированные во всех странах региона, за исключением Армении и Казахстана, при этом подавляющее большинство пришлось на Украину (48 случаев). Нарушения проявлялись преимущественно в двух формах — отказ в предоставлении услуги (прямой или завуалированный) и унижительное обращение.

Отказы включали высадку из такси, отказ в заселении, прекращение обслуживания в кафе и заведениях досуга, отказ в изготовлении товаров или оказания услуг, отмену поездок и отказ в проезде. Унижающее обращение выражалось в насмешках, оскорблениях, публичном принижении достоинства, морализаторских заявлениях о «семейных ценностях», навязчивых вопросах и давлении.

Отказы в обслуживании чаще всего фиксировались в сферах общественного питания, гостеприимства, досуга, аренды, торговли и транспорта. Формально они объяснялись «внутренними правилами», «семейным форматом» или жалобами других клиентов, однако в ходе общения прямо или косвенно указывалось на СОГИ пострадавших как истинную причину. В Украине задокументированы случаи отказа в обслуживании однополых пар после жалоб посетителей на «непристойное поведение», включая поцелуи и объятия, а также отказы в заселении в гостиницы и хостелы, нередко сопровождавшиеся гомофобной риторикой и отказом возвращать средства. Все упомянутые случаи являются прямой дискриминацией, и противоречат существующему в стране Закону «О принципах предотвращения и противодействия дискриминации в Украине» [26].

В сфере индивидуальных услуг и торговли фиксировались отказы выполнять заказы после того, как становилось известно, что клиент — ЛГБТ-персона или заказ связан с однополый парой. Это касалось изготовления подарков, печати фотографий, гравировки, услуг индустрии красоты и тату, а также прекращения обслуживания под предлогом «личных убеждений». В Молдове зафиксирован случай прямого отказа во входе в заведение после Марша равенства, что демонстрирует открытую дискриминацию по признаку СОГИ и публичной видимости, и противоречит Закону «Об обеспечении равенства» [27], согласно которому дискриминация, совершенная в отношении группы лиц, является серьезной ее формой, а дискриминация в доступе лиц к общедоступным услугам, в том числе культурным и развлекательным, запрещена.

Значительная часть кейсов не завершалась формальным отказом, но сопровождалась унижением достоинства. Типичными были публичные оскорбления со стороны персонала заведений — кассиров, охранников, администраторов, водителей — нередко в присутствии других клиентов. В Украине зафиксированы эпизоды унижения в магазинах и супермаркетах из-за внешнего вида, манеры речи, символики или предполагаемой ориентации, включая прямые оскорбления и морализаторские высказывания, апеллирующие к войне и «нормальности».

Сфера транспорта отличается повышенной уязвимостью из-за возможности немедленного прекращения услуги. В Украине водители такси отказывались продолжать поездку или высаживали пассажиров после гомофобных комментариев или демонстрации символики, что особенно опасно в ночное время и в условиях комендантского часа. В Узбекистане зафиксирован случай оскорбления и физического нападения водителя такси на пассажира, что на фоне отсутствия в стране прямого упоминания запрета на дискриминацию в Конституции и отдельного антидискриминационного законодательства, в комплексе с криминализацией гомосексуальности фактически блокирует возможность пострадавшего обратиться за помощью. В Кыргызстане транс* женщине отказали в посадке на внутренний рейс после регистрации, сославшись на «несоответствие документов», а в Таджикистане фиксировались унижительные «допросы» и вмешательства в частную жизнь транс* женщин в аэропортах.

При этом, такие случаи являются последствиями отсутствия в Кыргызстане и Таджикистане возможности сменить документы в соответствии с гендерной идентичностью [28], а смена гендерного маркера возможна только в судебном порядке [29, 30].

Во многих случаях применялись механизм оперативного реагирования — переговоры с администрацией, письменные жалобы, жалобы в службы поддержки, фиксация доказательств и подготовка заявлений. В ряде эпизодов это приводило к извинениям, возврату средств или компенсациям. В то же время значительная часть кейсов демонстрирует ограниченность таких инструментов — не все пострадавшие готовы к формальным жалобам, а «мирное урегулирование» редко сопровождается признанием дискриминационного мотива и не приводит к устойчивым изменениям.

ПРАВО НА СВОБОДУ УБЕЖДЕНИЙ И НА ИХ СВОБОДНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

В 2025 году задокументировано 37 случаев нарушения права на свободу убеждений и на их свободное выражение. Большинство из них (35) связано с языком ненависти, публичными оскорблениями и призывами к агрессии со стороны частных лиц и зафиксировано во всех странах анализа, за исключением Армении и Кыргызстана. Задокументированные случаи показывают, что любая форма видимости — публикации в социальных сетях, участие в публичных мероприятиях, использование ЛГБТ-символики или внешний вид — нередко воспринимается как «нарушение допустимых границ» и становится триггером агрессии.

Наиболее распространенной формой нарушений стали публичные оскорбления, угрозы и травля в цифровом пространстве. В Казахстане и Таджикистане публикации в социальных сетях — фотографии с партнером/кой, участие в совместных активностях или публичные высказывания — приводили к волнам гомофобных комментариев, угроз в личных сообщениях и призывами к насилию. В ряде случаев давление носило системный характер и сопровождалось попытками установить личные данные пострадавших.

В офлайн-пространстве язык ненависти использовался как инструмент вытеснения ЛГБТ-людей из общественных мест и социальных ролей. В Украине и Казахстане задокументированы случаи публичных оскорблений в кафе, магазинах, на улице и в жилых домах, когда пострадавших унижали, выгоняли из заведений или подвергали давлению со стороны окружающих. В отдельных случаях агрессия сопровождалась угрозами физического насилия, при этом реакция полиции была формальной либо отсутствовала вовсе, что усиливало ощущение безнаказанности.

Ограничения свободы выражения также фиксировались во время публичных мероприятий и мирных акций. В Молдове участники феминистского марша 8 марта и марша за права ЛГБТ 15 июня 2025 года сталкивались с оскорблениями и агрессивными выкриками со стороны прохожих при отсутствии адекватного вмешательства со стороны правоохранительных органов, что фактически подрывало возможность безопасного выражения убеждений в публичном пространстве.

Особую угрозу представляют высказывания общественных деятелей, политиков и медийных фигур, которые нормализуют ненависть и легитимируют агрессию. В Молдове в 2025 году задокументированы подстрекательные заявления в адрес ЛГБТ-людей, включая призывы к насилию и утверждения о «недопустимости» их присутствия в обществе.

Во время акции «Пропаганда любви» представитель местной власти публично угрожал участникам, заявляя, что им следует «покончить с собой» и «не следует жить в Молдове». В видеообращении оппозиционного политика Ренато Усатого, нарушения со стороны которого были задокументированы и в предыдущие годы [4], звучали риторические рассуждения об «убийстве или уничтожении ЛГБТ-людей», что иллюстрирует переход от выражения мнения к публичному оправданию насилия.

Совокупность таких случаев указывает на устойчивый механизм ограничения свободы выражения убеждений, при которых язык ненависти и угрозы используются для запугивания и вытеснения ЛГБТ-людей из публичного пространства. Недостаточная реакция государственных институтов закрепляет этот эффект, вынуждая пострадавших к самоцензуре, отказу от публичной видимости и участия в общественной жизни, что напрямую подрывает реализацию данного права в регионе.

ПРАВО НА ДОСТАТОЧНОЕ ЖИЛИЩЕ

В 2025 году задокументировано 32 случая нарушения права на достаточное жилище во всех странах анализа. Во всех этих случаях итог был схожим — пострадавшие либо немедленно теряли жилье, либо оказывались в ситуации, когда дальнейшее проживание становилось небезопасным из-за угроз, давления и риска насилия.

Во многих кейсах выселение запускалось аутингом или утечкой конфиденциальной информации. В Армении директор общежития, услышав телефонный разговор с партнером, силой вывел пострадавшего и отказал в предоставлении жилья «гею», не позволив забрать вещи. В Узбекистане арендодатель потребовал освободить квартиру после раскрытия ВИЧ-статуса пострадавшего медицинской работницей, сопровождая выселение угрозами огласки. В другом случае из Узбекистана разглашение диагноза при родственниках и соседях привело к принуждению к разделному проживанию.

Значительная часть нарушений связана с семейным изгнанием и зависимым положением несовершеннолетних или молодых людей. В Казахстане несовершеннолетняя транс* девушка после каминг-аута была выгнана из дома и вынуждена искать временный приют. В Украине зафиксированы случаи, когда родители или близкие после обнаружения однополых отношений приняли насилие, изымали документы и прекращали поддержку, оставляя пострадавших без жилья и базовых ресурсов.

Отдельным устойчивым механизмом стало давление со стороны соседей, приводящее к фактическому выселению. В Украине публикация видео поцелуя пары в домовых чатах вызвала угрозы и требования съезда. В другом случае систематические оскорбления, надписи на двери, порча имущества и бездействие полиции вынудили арендодателя попросить жильца съехать, чтоб «не иметь проблем с соседями». Похожие сценарии зафиксированы в Молдове, где угрозы, распространение слухов и повреждение имущества привели к вынужденному выезду.

Выселения часто происходили в условиях правовой уязвимости — при отсутствии официальных договоров аренды. В Украине арендодатели использовали это как рычаг давления, требуя немедленного выезда и отказываясь возвращать залог, маскируя дискриминационный мотив формальными претензиями к «образу жизни». В случаях вмешательства документаторов ключевыми инструментами становились переговоры, фиксация доказательств и напоминание о рисках нелегальной аренды.

В ряде случаев принуждение к выезду нередко сопровождалось прямыми угрозами и использованием государственных органов как средства запугивания. В Украине фиксировались угрозы «сдать в ТЦК», «сфабриковать дело» или «создать проблемы», включая кейс, где давление исходило от полицейского — родственника соседей. В Таджикистане конфликт с гомофобными соседями привел к вмешательству участкового и последующему требованию хозяина освободить жилье, усиливая страх огласки.

В итоге большинство пострадавших были вынуждены срочно искать временный приют (у друзей, в хостелах, шелтерах или ЛГБТ-убежищах) и обращаться за психологической помощью. Существенным фактором уязвимости было не только само выселение, но и его резкий характер — ночью, без доступа к вещам, в условиях комендантского часа или угрозы дальнейшего насилия, когда жилище переставало быть пространством безопасности.

ПРАВО НА ЭФФЕКТИВНУЮ ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ И НА ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА

В 2025 году задокументировано 22 случая нарушения права на эффективную правовую защиту и на возмещение ущерба во всех странах анализа, за исключением Молдовы. Ключевыми проявлениями стали отказ в предоставлении правовой помощи, непринятие или затягивание регистрации заявлений, дискриминационное обращение и ограничение доступа к адвокату. Во многих ситуациях пострадавшие покидали полицейские участки без официальной регистрации обращения или отказывались от дальнейших действий из-за страха преследования и огласки.

Наиболее распространенной практикой был отказ принять заявление либо его фактическая блокировка. Пострадавшим предлагали «подождать», «прийти позже», «успокоиться», «не тратить время» или прямо отговаривали от подачи жалобы, лишая их доступа к расследованию и механизмам возмещения ущерба. Даже при формальном приеме обращения регистрация нередко затягивалась или сопровождалась искусственными препятствиями. Обращение за защитой часто сопровождалось дискриминационным и унижительным обращением. Сотрудники полиции допускали насмешки, оскорбления, задавали вопросы, не относящиеся к делу, и транслировали виктимблейминг, формируя посыл «сами виноваты».

В отдельных кейсах заявления принимались только у предполагаемых нарушителей, тогда как пострадавших отправляли разбираться самостоятельно или отказывали в защите. Попытки добиться правовой защиты иногда приводили к ответному давлению со стороны правоохранительных органов — угрозам уголовного преследования, принудительным действиям (включая тестирование), административным задержаниям или требованиям покинуть город. Отказы в правовой помощи особенно часто фиксировались при нападениях и вымогательстве, включая подставные свидания, в случаях аутинга и преследования, а также при обращениях транс* женщин, где взаимодействие с полицией приводило к вторичной виктимизации. Например, в Узбекистане после подачи заявления о насилии пострадавшей угрожали возбуждением дел по статьям 120 и 113 УК («мужеложество» и «распространение ВИЧ») с перспективой лишения свободы, если жалоба не будет отозвана.

В совокупности эти практики приводили к отсутствию эффективного расследования и возмещения ущерба. Значительная часть пострадавших прекращала попытки добиваться защиты из-за страха огласки, повторного насилия или дальнейшего давления, включая вынужденную смену места жительства или отъезд, что указывает на недоступность правовой защиты для ЛГБТ-людей в регионе.

В 2025 году задокументировано 17 случаев нарушения права на образование ЛГБТ-людей — 14 в Украине и 3 в Узбекистане. Нарушения преимущественно проявлялись в форме систематического буллинга и формирования враждебной среды в учебных заведениях, а также в отчислениях или угрозах отчисления.

Наиболее распространенным нарушением стал систематический буллинг со стороны одноклассников, одноклассников и, в ряде случаев, преподавателей (15 случаев). Травля, как правило, запусклась после аутинга либо подозрения в «несоответствии норме». В Узбекистане школьный эпизод (поцелуй двух учеников) был передан учителем администрации и родителям, что легитимировало стигму и привело к публичному осуждению, угрозам физической расправы и вынужденной смене школы. В Украине схожие механизмы запускались после вмешательства учительницы в частную переписку и ее публичного оглашения, что запуская травлю в группе и семейное давление, несмотря на принятый в 2019 году профильный приказ Министерства образования и науки [31].

Буллинг нередко сочетался с унижением, физической агрессией и социальной изоляцией, напрямую влияя на посещаемость и успеваемость пострадавших. В украинских кейсах зафиксированы систематические оскорбления, исключение из учебных процессов, сокрытие учебной информации и физическое насилие — от толчков и до эпизода с унижением в туалете (имитация принуждения к оральному сексу и погружение головой в унитаз). В школьной среде такие ситуации сопровождались длительным психологическим давлением и суицидальными мыслями у подростков.

В ряде случаев преподаватели и администрация выступали не как защитники, а как участники дискриминации. В Украине задокументированы эпизоды публичного унижения студентов из-за СОГИ, занижения оценок и давления с использованием академических рычагов. В кейсе транс* студента систематические мисгендеринг и уничижительные комментарии со стороны преподавателей усиливали травлю в группе и ухудшали психоэмоциональное состояние.

Угрозы отчисления и выселения из общежития использовались как дисциплинарный инструмент за «видимость» СОГИ. В Узбекистане администрация колледжа угрожала исключением после жалоб одноклассников, сопровождая это вызовом родителей и ожиданием «исправления», что привело к насилию в семье и попытке суицида. В Украине угрозы отчисления применялись из-за публичной активности в социальных сетях или после нарушения приватности, и лишь юридическое сопровождение позволяло остановить давление.

Дискриминация по ВИЧ-статусу также ограничивала доступ к образованию. В Узбекистане студент медицинского вуза после диспансеризации подвергся давлению со стороны администрации с фактическим принуждением к уходу, под предлогом «непригодности» к обучению. Конфликт был остановлен только после вмешательства на уровне руководства, однако стигматизация сохранялась.

Ключевой общий механизм — отказ учебных заведений обеспечивать безопасную и подмена ответственности логикой «сам виноват» и «разбирайтесь сами». Администрации часто игнорировали жалобы или оправдывали нарушителей, что закрепляло травлю и делало уход из школы или вуза наиболее вероятным сценарием.

В целом, нарушения права на образование тесно связаны с вмешательством в частную жизнь, дискриминацией и психологическим насилием, а в отдельных случаях — с угрозой жизни. Отсутствие действенных антидискриминационных механизмов и формальный подход к обращениям делают доступ к образованию для ЛГБТ-людей условным и небезопасным.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

В 2025 году задокументировано 13 случаев нарушения права на жизнь ЛГБТ-людей, включая прямые угрозы убийством, а также убийства и их попытки. Такие случаи зафиксированы во всех странах анализа, за исключением Армении и Молдовы. Нарушения права на жизнь преимущественно происходили в частных и межличностных контекстах — в семье, партнерских и интимных отношениях, а также в повседневных ситуациях. В этих пространствах риск летального насилия напрямую связан с аутизмом, стигматизацией СОГИ и отсутствием эффективной защиты, что делает пострадавших особенно уязвимыми.

Семья в ряде случаев становилась источником прямой угрозы жизни и использовала насилие как форму «наказания» за несоответствие ожидаемой гендерным или сексуальным нормам. В Таджикистане транс* девушка была жестоко избита старшими братьями и оказалась в реанимации. В Казахстане после аутинга несовершеннолетнего мать и сестра избили его и угрожали ножом. В Украине зафиксированы угрозы убийством и физическое насилие со стороны родственников после обнаружения однополых отношений, и эти случаи демонстрируют, что семейная среда нередко превращается в зону максимального риска.

Интимные и партнерские отношения также выступали контекстом угроз жизни и покушений на убийство. В Казахстане и Кыргызстане зафиксированы угрозы ножом со стороны партнеров, сопровождавшиеся вымогательством и шантажом аутизмом. В Узбекистане бывший партнер нанес пострадавшему тяжелые ножевые ранения, а после госпитализации тот столкнулся с угрозами уголовного преследования по статье о «мужеложестве» (ст. 120 УК), что вынудило его покинуть страну. В другом кейсе, также из Узбекистана, бисексуальная женщина умерла от побоев, нанесенных супругом после обнаружения однополых отношений.

Угрозы жизни исходили и от знакомых и незнакомых лиц вне семейных и партнерских связей. В Узбекистане несовершеннолетний столкнулся с угрозами расправы со стороны одноклассников после аутинга, а в Украине зафиксированы нападения в общественных местах с избиениями и угрозами ножом после того, как пострадавших восприняли как ЛГБТ-персону.

Особо опасной формой насилия стали подставные свидания, сопряженные с высоким риском летального исхода. В Узбекистане зафиксирован случай, когда знакомство было использовано для целенаправленного нападения — пострадавшего избили, облили горячей жидкостью и подожгли, а затем шантажировали аутизмом, препятствуя обращению за защитой. В отдельных случаях угрозы жизни исходили от представителей государства — в Узбекистане сотрудники правоохранительных органов угрожали лесбиянке и ее дочери после задержания и многосуточного насилия в отделении полиции, используя угрозы как инструмент запугивания и предотвращения подачи жалоб.

Анализ кейсов показывает, что нарушения права на жизнь редко являются изолированными, и им, как правило, предшествуют аутизм, вымогательство, физическое насилие, произвольное задержание и давление со стороны семьи, окружения или государства.

В условиях криминализации МСМ (в Узбекистане), страха уголовного преследования, недоверия к правоохранительным органам и устойчивой социальной стигмы риск летального насилия для ЛГБТ-людей становится частью воспроизводимой цепочки нарушений, а не исключением.

ЗАЩИТА ОТ НАРУШЕНИЙ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

В 2025 году задокументировано 13 случаев нарушений, связанных с медицинскими злоупотреблениями, и большинство из них зафиксированы в Узбекистане (7 случаев), единичные — в Молдове, Таджикистане и Украине. Нарушения включали принудительное тестирование на ВИЧ, анальные осмотры и так называемое «лечение», используемые не в интересах охраны здоровья, а как инструмент запугивания, наказания или давления в связи с СОГИ.

Принудительное тестирование на ВИЧ проводилось без информированного согласия и сопровождалось угрозами уголовного преследования. В Узбекистане и Таджикистане отказ от тестирования связывали с возбуждением дела по статьям о «мужеложестве» (ст. 120 УК Узбекистана) или «распространения ВИЧ» (ст. 112 УК Узбекистана, ст. 125 УК Таджикистана), что превращало медицинскую процедуру в элемент следственного давления и шантажа, включая угрозы аутинга. Зафиксированы случаи обязательного тестирования после возвращения из-за границы, в том числе в контексте законодательства Узбекистане от 1 августа 2025 года, предусматривающего ВИЧ-тестирование для лиц, находившихся за рубежом более 90 дней [32]. В Молдове МСМ был протестирован на ВИЧ без уведомления и согласия во время медицинского осмотра для поступления в вуз, где такая процедура не является обязательной.

Принудительные анальные осмотры применялись в Узбекистане как карательная и унижительная практика, направленная на «доказывание» однополых контактов. Эти вмешательства проводились без медицинских показаний и согласия, по инициативе следственных органов, и сопровождалось угрозами уголовного преследования. В ряде случаев они сочетались с насильственным забором крови на ВИЧ и ИППП и требованиями «признаться» в сексуальной ориентации.

Принудительное «лечение» и попытки «коррекции» СОГИ чаще происходили в семейном или религиозном контексте с участием медицинских или квазимедицинских специалистов. Задокументированы помещения ЛГБТ-людей в психиатрические учреждения по инициативе родственников, назначения психотропных препаратов без показаний (Узбекистан), а также «лечебных» практик с участием священников и целителей (Молдова, Таджикистан, Украина). Такие вмешательства сопровождалось изоляцией, физическим и психологическим насилием и приводили к тяжелым последствиям для психического состояния, включая суицидальные мысли.

В целом, нарушения медицинских прав ЛГБТ-людей носят не изолированный характер и возникают на пересечении криминализации, стигмы, семейного насилия и злоупотреблений со стороны государства. В этих условиях медицинская система перестает выполнять защитную функцию и становится частью воспроизводимой цепочки давления и принуждения.

ПРАВО НА СВОБОДУ МИРНЫХ СОБРАНИЙ И АССОЦИАЦИЙ

В 2025 году задокументировано 8 случаев нарушения права на свободу мирных собраний и ассоциаций. Большинство из них связано с препятствованием проведению мирных мероприятий в Казахстане, Молдове и Украине, а один случай касался давления на НПО и правозащитников в Таджикистане. Основными последствиями становились срыв мероприятий, запугивание участников и рост самоцензуры, а также усиление рисков для организаторов.

Препятствия мирным собраниям чаще всего осуществлялись через административное и силовое вмешательство под формальными предлогами «проверок», «установления личности» или «нарушений порядка». В Казахстане задокументирован срыв публичной кампании «Я — не пропаганда», когда представители правоохранительных органов без законных оснований ограничивали передвижение участников, запрещали пользоваться телефонами, собирали персональные данные, вели видеосъемку, а часть людей доставили в отделение полиции и оформили административные протоколы. Параллельно фиксировалось давление на партнерскую площадку в другом городе, что указывает на скоординированные попытки полностью остановить кампанию. Также зафиксированы задержания с последующим административным преследованием участников одиночных пикетов против законопроекта о запрете так называемой «ЛГБТ-пропаганды» [33], принятого 12 ноября 2025 года.

В Украине препятствия чаще исходили от радикальных групп, пытавшихся сорвать закрытые и полужакрытые мероприятия. Зафиксированы попытки проникновения в комьюнити-центры, использование языка ненависти и запугивания. Реакция полиции в ряде случаев была запоздалой или формальной, и проведение мероприятий становилось возможным лишь за счет экстренной смены локаций и усиленных мер безопасности со стороны организаторов.

В Молдове задокументирован случай временного блокирования доступа участников к зоне проведения Марша равенства, несмотря на соблюдение процедуры уведомления согласно закону «О собраниях» [34]. Хотя мероприятие в итоге состоялось, ограничения доступа воспринималось как вмешательство в реализацию права на мирные собрания и происходило на фоне публичных заявлений политиков, представлявших ЛГБТ-акции как «опасность». Например, со стороны мера Кишинева Иона Чебана неоднократно фиксировались публичные высказывания против ЛГБТ-сообщества и, в том числе, предложения запрета мероприятий ЛГБТ-сообщества на территории города [35].

В совокупности, давление на мирные собрания и НПО формирует единый ограничительный механизм — мероприятия срываются или переводятся в максимально закрытый формат, участники избегают публичности, площадки отказываются от сотрудничества, а активисты вынуждены перенаправлять ресурсы с программной деятельности на управление рисками, защиту и обеспечение безопасности.

ПРАВО НА БРАК И СОЗДАНИЕ СЕМЬИ

В 2025 году задокументировано 4 случая нарушения права на брак и создание семьи. В трех из них (Молдова, Таджикистан, Узбекистан) нарушения были связаны с лишением или ограничением права на отношения с ребенком, еще один случай в Узбекистане касался принуждения к браку вопреки воли пострадавшей. Все ситуации разворачивались в контексте семейного насилия, стигматизации и давления традиционных и религиозных норм при отсутствии эффективной государственной защиты.

В Узбекистане принуждение к браку использовалась как форма «наказания» за однополые отношения и сопровождалось угрозами, изоляцией и доведением пострадавшей до суицидального состояния. После выявления отношений семья фактически лишила девушку свободы и начала подбирать жениха, а сам брак стал вынужденной стратегией выживания и защиты от дальнейшего насилия и изгнания.

В другом кейсе из Узбекистана брак применялся как инструмент «нормализации» и сокрытия, а дискриминация воспроизводилась уже на институциональном уровне. Мужчина, живущий с ВИЧ, был женат по инициативе семьи, и затем столкнулся с отказом медицинского работника признавать его право на биологическое отцовство. Врач отрицал возможность рождения здорового ребенка, игнорируя современные медицинские протоколы, и доступ к медицинской помощи был восстановлен только после вмешательства НПО и руководства учреждения. Ограничение права на отношения с ребенком также использовалось как санкция за сексуальную ориентацию — в Молдове суд ограничил контакты отца с ребенком исключительно на основании его гомосексуальности, сославшись на абстрактные представления о «неправильном воспитании» без оценки реальных рисков или родительских качеств.

В целом эти кейсы показывают, что право на брак и создание семьи для ЛГБТ-людей в регионе остается уязвимым. Семья нередко превращается из пространства поддержки в источник давления и насилия, а государственные институты — суды, медицинские учреждения, органы опеки — либо не обеспечивают защиту, либо сами легитимируют дискриминацию, вынуждая пострадавших выбирать между формальными семейными связями и собственной автономией и безопасностью.

ПРАВО НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

В 2025 году задокументировано 4 случая нарушения права на свободу передвижения. В трех случаях в Казахстане и Таджикистане пострадавшие были вынуждены покинуть город или страну, а в Украине зафиксирован отказ транс* женщине в пересечении государственной границы.

Принудительный выезд часто становился прямым следствием насилия и системного давления со стороны правоохранительных органов. В Таджикистане мужчина после подставного свидания, незаконного задержания, пыток и многомесячного шантажа столкнулся с изъятием внутреннего и заграничного паспортов как целенаправленным механизмом ограничения свободы передвижения. Даже после эвакуации при содействии активистов он подвергался повторным задержаниям на границах из-за внесения его данных в неформальные «стоп-листы», предположительно связанные с СОГИ. В Казахстане транс* женщине, обратившейся в полицию из-за угроз, сотрудники прямо порекомендовали покинуть город, сопровождая это унижением и угрозами уголовного преследования.

Отказ в пересечении границы также носил дискриминационный характер. В Украине транс* женщине было отказано в выезде за пределы страны, несмотря на наличие действительных документов и медицинской справки о коррекции пола. Процедура сопровождалась унижительным досмотром, несанкционированной фото- и видеосъемкой, вопросами о личной жизни и временным изъятием документов. Отказ не был пересмотрен даже после подтверждения их подлинности и был дополнительно усилен публикацией материала на официальном ресурсе пограничной службы.

В транснациональном контексте нарушения затрагивали и ЛГБТ-мигрантов. В Казахстане после полицейского рейда иностранные граждане — геи и транс* женщина — оказались под угрозой депортации, а их освобождение сопровождалось вымогательством. Для транс* женщины из Таджикистана вмешательство миграционных органов создало риск принудительного возвращения в страну, где ей угрожали преследование и насилие.

Совокупность таких случаев показывает, что свобода передвижения для ЛГБТ-людей в регионе нередко становится условной. Изъятие документов, неформальные стоп-листы, угрозы депортации, отказ в пересечении границы и принуждение к выезду используются как инструменты контроля и наказания, особенно на пересечении СОГИ, трансгендерности и миграционного статуса.

ПРАВО ИСКАТЬ УБЕЖИЩЕ

В 2025 году нарушения права искать убежище в отношении ЛГБТ-людей задокументированы в Армении и Молдове. Они проявлялись в отказе принимать заявления, дискриминационном обращении со стороны миграционных органов и искаженной оценке оснований для международной защиты, связанных с СОГИ, что либо полностью блокировало доступ к процедуре убежища, либо существенно повышало риск возвращения в страну преследования.

В Армении зафиксирован отказ в приеме заявления на этапе первичного обращения. Лесбиянке отказали в регистрации ходатайства после того, как сотрудники миграционного центра узнали о ее сексуальной ориентации. Отказ не сопровождался письменными разъяснениями, а девушке было предложено покинуть страну в течение нескольких месяцев. Лишь после вмешательства правозащитной организации и обращения к руководству заявление было принято и выдано удостоверение.

В Молдове задокументирован отказ МСМ из Узбекистана, несмотря на подробные свидетельства насилия, пыток и принуждения к сотрудничеству с полицией в условиях криминализации гомосексуальности. Миграционные органы интерпретировали его показания как признаки «террористической и экстремистской деятельности», проигнорировали контекст принуждения и угроз, формально назначили адвоката без реального взаимодействия, не обеспечили переводчика и требовали «доказать» сексуальную ориентацию, что противоречит международным стандартам предоставления убежища.

В целом, право искать убежище для ЛГБТ-людей в регионе нарушается еще до начала полноценного рассмотрения дела либо подрывается через предвзятую интерпретацию фактов, дискриминационные требования и отсутствие процессуальных гарантий, создавая высокий риск отказа в защите и последующего возвращения в страну преследования.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Анализ нарушений прав ЛГБТ-людей в регионе ВЕЦА в 2025 году показывает, что права остаются условными и зависят от контекста, видимости и субъективных решений представителей государства и общества. Без системных изменений нарушения будут продолжаться воспроизводиться, а бремя защиты будет оставаться на самих пострадавших и правозащитных организациях. Таким образом, необходим переход от реактивного реагирования на отдельные кейсы к устойчивой политике защиты прав ЛГБТ-людей, основанной на недискриминации, подотчетности государственных институтов и долгосрочной поддержке гражданского общества.

- 1** Нарушения прав ЛГБТ-людей носят системный и воспроизводимый характер и редко возникают изолированно. Большинство задокументированных кейсов представляют собой цепочки взаимосвязанных нарушений — от вмешательства в частную жизнь и унижительного обращения до насилия, произвольного лишения свободы и угроз жизни. Ключевыми триггерами таких цепочек остаются аутинг, стигматизация СОГИ и неравенство власти. Государственным органам, донорам и международным партнерам следует рассматривать нарушение прав ЛГБТ-людей как структурную проблему, требующую комплексных межсекторальных мер реагирования, а не как отдельные инциденты.
- 2** Количество и характер задокументированных кейсов в 2025 году подтверждает необходимость продолжения и расширения системного мониторинга нарушений прав ЛГБТ-людей. Задокументированные случаи по-прежнему отражают лишь часть реального масштаба нарушений и существенно зависят от географии, ресурсов и доступа мониторинговых команд к различным подгруппам сообщества. Следует масштабировать проекты документирования нарушений, расширять географию сбора данных за пределы крупных городов, усиливать сотрудничество с партнерскими организациями и активистами, имеющими доступ к уязвимым подгруппам (в частности, транс* людям, ЛГБТ-мигрантам, молодежи), а также повышать правовую грамотность сообщества и поддержку готовности сообщать о нарушениях.
- 3** Правоохранительные органы во многих странах региона остаются одним из ключевых источников нарушений прав ЛГБТ-людей — включая произвольные задержания, пытки, унижающее обращение, вымогательство и принуждение к признаниям. Эти практики носят системный характер и сопровождаются ощущением полной безнаказанности. Необходимо внедрение независимых механизмов мониторинга действий правоохранительных органов, обязательная регистрация всех заявлений о нарушениях, доступные и безопасные процедуры подачи жалоб, а также внешние расследования случаев насилия и превышения полномочий с учетом СОГИ.
- 4** Вмешательство в частную жизнь — аутинг, угрозы раскрытия СОГИ и ВИЧ-статуса, вымогательство, несанкционированные обыски и доступ к цифровым данным — используется как универсальный механизм давления и контроля, а цифровая среда остается одним из ключевых пространств уязвимости. Государствам и НПО следует усиливать меры защиты приватности, включая ответственность за незаконный аутинг и вымогательство, а также развивать программы по повышению осведомленности ЛГБТ-людей о безопасных онлайн-практиках, рисках обмена персональными данными и мерах самозащиты при онлайн-знакомствах.
- 5** Репрессивное законодательство продолжает играть ключевую роль в воспроизводстве нарушений прав ЛГБТ-людей, создавая условия для шантажа, вымогательства, произвольного преследования и отказа в защите.

Необходимо приведение национального законодательства в соответствии с международными стандартами прав человека, включая декриминализацию однополых отношений, отмену уголовной ответственности за передачу ВИЧ, декриминализацию секс-работы как меры снижения уязвимости к насилию и эксплуатации.

- 6** Домашнее и семейное насилие остается одной из наиболее опасных и наименее защищенных сфер для ЛГБТ-людей. Семья нередко выступает источником изгнания, насилия, лишения жилья и угроз жизни, особенно в отношении молодежи и транс* людей. Государствам следует расширять законодательство о домашнем насилии с включением СОГИ как защищаемого признака и партнерских отношений как возможного контекста насилия, а также развивать сеть шелтеров, кризисных центров и программ поддержки для ЛГБТ-людей, не имеющих возможности безопасно проживать в семье.
- 7** Медицинская система в ряде стран воспроизводит стигму и насилие через отказы в помощи, унижительное обращение, раскрытие конфиденциальных данных и принудительные медицинские вмешательства. Эти практики носят институциональный, а не единичный характер. Следует системно внедрять обучение медицинских работников стандартам недискриминационного оказания помощи, усиливать контроль за соблюдением конфиденциальности, а также интегрировать модули по СОГИ и ВИЧ в программы медицинского образования и профессиональной подготовки.
- 8** Экономическое давление — через дискриминацию в сфере труда, образования и жилья — остается ключевым механизмом вытеснения ЛГБТ-людей из социальной жизни и усиливает их уязвимость к насилию и эксплуатации. Рекомендуется внедрение и реальное применение антидискриминационных норм с прямым упоминанием СОГИ, создание доступных жалоб и механизм защиты пострадавших от ответных репрессий.
- 9** Свобода выражения, мирных собраний и ассоциаций в регионе остается ограниченной из-за языка ненависти, давления со стороны радикальных групп и недостаточной защиты со стороны государства, что ведет к росту самоцензуры и снижению публичной видимости ЛГБТ-сообщества. Государствам следует обеспечивать активную защиту мирных собраний, публично осуждать язык ненависти со стороны политиков и общественных деятелей и применять меры ответственности за подстрекательство к насилию.
- 10** Нарушения прав, связанных с убежищем и свободой передвижения, показывают, что для ЛГБТ-людей даже попытка покинуть опасную среду сопровождается новыми формами дискриминации и насилия. Миграционные и пограничные органы должны применять процедуры, соответствующие международным стандартам защиты, исключая дискриминационные требования, произвольные отказы и вмешательство в частную жизнь заявителей по признаку СОГИ.

СТРАНОВЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В Узбекистане нарушения прав ЛГБТ-людей носят наиболее репрессивный и опасный характер, включая криминализацию гомосексуальности, пытки, произвольные задержания, медицинские злоупотребления и высокий риск летального насилия. Ключевым фактором уязвимости остается ст. 120 УК и связанные с ней практики шантажа и вымогательства.

В связи с чем следует отменить уголовную ответственность за однополые отношения, прекратить практику принудительных медицинских вмешательств (анальных осмотров, тестирования на ВИЧ без согласия), обеспечить независимое расследование случаев пыток и жестокого обращения со стороны правоохранительных органов, а также обеспечить доступ ЛГБТ-людей к процедурам убежища и защите от насильственного возвращения.

В Таджикистане широко используются произвольные задержания, вымогательство и насилие со стороны правоохранительных органов, включая сексуализированное насилие и угрозы уголовного преследования. ЛГБТ-люди фактически лишены эффективной правовой защиты. Необходимо прекратить практику произвольных задержаний и давления на ЛГБТ-людей под предлогом «оперативных мероприятий», исключить использование уголовных статей о ВИЧ (ст. 125 УК) и «распространении порнографии» (ст. 241 УК) в качестве инструмента шантажа, расширить действие законодательства «О предупреждении насилия в семье» на партнерские отношения вне формальной семьи, и обеспечить доступ НПО и адвокатов к задержанным без дискриминации.

В Казахстане нарушения прав ЛГБТ-людей часто связаны с произвольными полицейскими практиками, рейдами, онлайн-преследованием и дискриминацией транс* людей. Отсутствие антидискриминационного законодательства усиливает уязвимость. В связи с тем, рекомендовано принять комплексный антидискриминационный закон с включением СОГИ, прекратить попытку массовых рейдов и сбора персональных данных в ЛГБТ-дружественных пространствах, обеспечить защиту транс* людей от дискриминации при пересечении границы и взаимодействии с госорганами, и усилить реагирование на онлайн-угрозы и язык ненависти.

В Кыргызстане сохраняется высокий уровень насилия, вымогательства и унижающего обращения, особенно в отношении транс* женщин, а обращение за защитой часто приводит к повторной виктимизации. Необходимо обеспечить безопасные и недискриминационные процедуры подачи заявлений в полицию, исключить практику угроз уголовного преследования при обращениях за помощью, а также усилить подготовку правоохранительных органов по вопросам СОГИ и прав человека.

В Украине нарушения прав ЛГБТ-людей преимущественно проявляются в сферах труда, образования, жилья и частных услуг, а также в форме языка ненависти. Несмотря на более развитую нормативную базу, защита часто остается формальной. В связи с этим, рекомендуется включить СОГИ в качестве защищаемых признаков в антидискриминационное законодательство, усилить ответственность за язык ненависти и дискриминацию в частных услугах, обеспечить недискриминационное обращение с транс* людьми при пересечении границы, и развивать сеть кризисной поддержки и шелтеров для ЛГБТ-людей.

В Молдове, несмотря на наличие антидискриминационного законодательства с включением СОГИ как защищаемых признаков, сохраняются случаи языка ненависти, политической риторики, отказов в услугах и ограничение свободы выражения и собраний. Следует активно применять существующее антидискриминационное законодательство на практике, противодействовать языку ненависти со стороны политиков и публичных лиц, обеспечить защиту участников мирных собраний и публичных мероприятий, а также усилить недискриминационный подход в миграционных и убежищных процедурах.

В Армении ЛГБТ-люди сталкиваются с нарушениями права на жилье, дискриминацией в сфере убежища и отсутствием системных механизмов защиты от дискриминации. Необходимо принять отдельный антидискриминационный закон с включением СОГИ, обеспечить недискриминационный доступ к процедурам убежища, а также расширять государственную и негосударственную инфраструктуру поддержки для ЛГБТ-людей, оказавшихся без жилья.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Hsieh H-F, Shannon SE. Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qualitative Health Research*. 2005;15(9):1277-88. doi: 10.1177/1049732305276687.
- The Yogyakarta Principles. Principles on the Application of International Human Rights Law in Relation to Sexual Orientation and Gender Identity. Yogyakarta, Indonesia; 2006 6-9 November.
- Kovtun O, Tilek kyzy E, Masiumova N. Being yourself is a defect: analysis of documented rights violations related to sexual orientation, gender identity and HIV in 2022 using the REAct system in six eastern European, Caucasus and Central Asian countries. *Journal of the International AIDS Society*. 2024;27(S3):e26311. doi: 10.1002/jia2.26311.
- Ковтун О. Региональный отчет о нарушениях прав человека среди ЛГБТ-людей в странах Восточной Европы и Центральной Азии за 2024 год. ЕКОМ; 2024. Available from: <https://ecom.ngo/library/regionaljnyy-otchet-2024/>.
- Lichtenstein M, Rucks-Ahidiana Z. Contextual Text Coding: A Mixed-methods Approach for Large-scale Textual Data. *Sociological Methods & Research*. 2021;52(2):606-41. 10.1177/0049124120986191.
- Younas A, Cuoco A, Vellone E, Fàbregues S, Barrios ELE. Contextual Coding in Qualitative Research Involving Participants with Diverse Sociocultural Backgrounds. *The Qualitative Report*. 2022;27(11):2509-27. doi: 10.46743/2160-3715/2022.5702.
- Kleinheksel AJ, Rockich-Winston N, Tawfik H, Wyatt TR. Demystifying Content Analysis. *Am J Pharm Educ*. 2020;84(1):7113. doi: 10.5688/ajpe7113.
- Cash P, Snider C. Investigating design: A comparison of manifest and latent approaches. *Design Studies*. 2014;35(5):441-72. doi: 10.1016/j.destud.2014.02.005.
- Falck F, Bränström R. The significance of structural stigma towards transgender people in health care encounters across Europe: Health care access, gender identity disclosure, and discrimination in health care as a function of national legislation and public attitudes. *BMC Public Health*. 2023;23(1):1031. doi: 10.1186/s12889-023-15856-9.
- Hate Crime Data-Collection and Monitoring Mechanisms: A Practical Guide. Warsaw: OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR); 2014. Available from: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/a/124533.pdf>.
- Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. (1994).
- Закон Республики Армения «О предупреждении семейного и бытового насилия и защите лиц, подвергшихся семейному и бытовому насилию». (2024).
- Закон Республики Молдова «О предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье». (2024).
- Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия». (2009).
- Закон Кыргызской Республики «Об охране и защите от семейного насилия». (2017).
- Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей». (2023).

- Закон України «Про запобігання та протидію домашньому насильству». (2023).
- Закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье». (2013).
- Уголовный кодекс Республики Казахстан. (2014).
- Уголовный кодекс Республики Таджикистан. (1998).
- Закон Республики Узбекистан «О противодействии распространения заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция)». (2013).
- Country Overview: Kazakhstan: Outright International; 2025. Available from: <https://outrightinternational.org/our-work/europe-and-central-asia/kazakhstan>.
- Анализ национального законодательства Казахстана, связанного с СОГИ и ВИЧ. ЕКОМ; 2024. Available from: https://ecom.ngo/resource/files/2024/09/ecom_national_kazakhstan_2024_rus.pdf.
- Уголовный кодекс Республики Армения. (2021).
- Кримінальний кодекс України. (1991).
- Закон України «Про засади запобігання та протидії дискримінації в Україні». (2014).
- Закон Республики Молдова «Об обеспечении равенства». (2012).
- Исследование по обзору доступа транс* людей к медицинским услугам, включая услуги по профилактике и лечению ВИЧ и заместительной гормональной терапии в странах региона ВЕЦА. ЕКОМ; 2024. Available from: https://ecom.ngo/resource/files/2024/06/ecom_transmedicine_2024_rus.pdf.
- Национальный отчет о нарушении прав ЛГБТ-людей в Кыргызстане. ЕКОМ; 2024. Available from: <https://ecom.ngo/library/natsionaljnyy-otchet-kirgizstan-2024/>.
- Country Overview: Tajikistan: Outright International; 2025. Available from: <https://outrightinternational.org/our-work/europe-and-central-asia/tajikistan>.
- Некоторые вопросы реагирования на случаи буллинга (травли) и применения мер воспитательного влияния в образовательных учреждениях. (2019).
- Позиция ЕКОМ: поправки в законы об обязательном тестировании на ВИЧ в Республике Узбекистан: ЕКОМ; 2025. Available from: <https://ecom.ngo/news/mandatory-hiv-testing-uzbekistan/>.
- Казахстан: предложенный закон о «ЛГБТ-пропаганде» создает риск институционализации дискриминации, предупреждают эксперты ООН: ООН; 2025. Available from: <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2025/11/kazakhstan-proposed-lgbt-propaganda-law-risks-institutionalising>.
- Закон Республики Молдова «О собраниях». (2008).
- В Кишиневе запретят гей-парад: как это связано с выборами? : Deutsche Welle; 2025. Available from: [here](#).

